Ю.СЕМЕНОВ

"П Р Е С С - Ц Е Н Т Р"

2-ая серия

Режиссер С.АРАНОВИЧ

К аэропорту "Шереметьево" Степанова подвезла старшая дочь. Она остановила машину у самого въезда.

Степанов наклонился и поцеловал ее.

- Значит, договорились, ты не торопишься...Да?- он заглянул дочери в глаза.

"Игорь не может работать, па, он перестал писать, пойми, у нас скорее союз единомышленников, и потом ты знаешь, я ведь, как мама, пока сама не пойму, что не права, не смогу никому поверить, даже тебе.- "Но это плохо, поэтому, наверное, у меня и не сложилось с мамой, что она верила только себе, своему настроению, своему чувству".- "Не надо об этом, па".- "Хорошо, ты права, прости... Я ведь встречался с твоим Игорем, мы с ним обедали в Доме кино...Не знаю, мне показалось, что тебе будет с ним очень трудно, и все это окажется ненадолго у вас".- "Почему?" - "Потому, что он эгоцентрик и пессимист... Для него обычная человеческая радость есть проявление низменного настроения ума...Знаешь, по-моему, "я" - это худший из продуктов воображения...Парень слишком много думает о себе, так нельзя" - "Что ты предлагаешь?" - спросила дочь, и Степанов подумал, что она все равно не послушает его, но он, тем не менее, ответил:"Я все-таки предлагаю не торопиться, предлагаю подождать.

Он еще раз поцеловал дочь и вышел из машины.

В здании аэропорта его окликнули: Дмитрий! Степанов!- к нему подходил знакомый журналист.- Ты куда?- спросил он,подавая руку.

- В командировку. Издатель вызвал править верстку книги.

А ты?

- Из командировки. Как живешь?

Степанов засмеялся:

-Нет ничего страшнее, когда на вопрос "Как живешь?" начинают всерьез, долго и обстоятельно рассказывать про свою жизнь.

- Внимание, внимание, начинается регистрация пассажиров и багажа на самолет, следующий рейсом в Париж. Атенсьен, атенсьен...

Как бы отталкиваясь от земли мигающими огнями, самолет разбежался и умчался в черное небо.

"П Р Е С С - Ц Е Н Т Р"

Вторая серия.

Сквозь жалюзи пробивалось солнце, его было много, но оно было особым, парижским, холодным, даже когда было жарко. Степанов лежал, запрокинув руки за голову, устало рассматривал потолок, оклеенный ситцевыми обоями, такими же, как на стенах и на полу,- мадам Брюн любила завершенность во всем, даже в том, чтобы маленькую комнату сделать коробочкой, уют прежде всего.

Он всегда останавливался здесь,на авеню Симплон, когда издатель вызывал его из Москвы править верстку. Хозяйка маленького пансионата, мадам Брюн, давала хороший завтрак(в отличие от других отелей и пансионатов - с сыром, ветчиной и яйцами по-венски, а не один лишь джем и кофе), клиенты у нее были поэтому постоянные, цену за маленькие номера она держала более или менее стабильную.

Степанов услыхал шаги в коридоре. Шаги были мягкие и быстрые: мадам Брюн сама убирала эти три комнаты на мансарде, ходила в тапочках, подшитых войлоком, чтобы не тревожить гостей ма-

ленького пансионата; ее друг и сожитель месье Рабефф любил повторять:"Мы не можем предоставить постояльцам телефонный аппарат в клозете, как это принято сейчас в "Жорж Сан", но мы гарантируем каждому восемь часов сна - в любое время суток".

- Месье Степанофф!- пропела мадам Брюн, чуть прикоснувшись к двери подушечками своих толстых пальцев.- Месье Степанофф! Вам звонят!

Стучать она не решилась - слишком резкий звук, постоялец может вздрогнуть от неожиданности; мягкость, во всем мягкость, гостя нужно холить. Степанов, тем не менее, вздрогнул. Он никому не давал номер телефона - предпочитал звонить сам.

- Я сплю.

- Я знаю, месье Степанофф, я сказала об этом абоненту, но он срочно требует вас к аппарату.

- Кто звонит?

- Какой-то советский господин.

Степанов накинул халат и попросил:

- Мадам Брюн, не смотрите на меня, я голый.

Брюн рассмеялась - словно рассыпала по столу пуговицы.

Телефонный аппарат стоял в маленьком коридоре, оклеенном цветочными,- на немецкий манер, - обоями.

Мадам Брюн стояла возле телефона и держала в руке трубку.

- Я думала, вы действительно голый,- сказала она,- мне было бы так интересно увидеть голого красного.

- Еще увидите,- пообещал Степанов, и мадам Брюн ушла по винтовой лестнице вниз.

- Слушаю,- сказал Степанов, провожая взглядом мощные телеса мадам Брен.

- Дмитрий Степанович, посол просит вас приехать к нему в десять.

- А сколько сейчас?

- Вы еще спали?

- С чего это вы?

- Мадам сказала, что вы голый.

- Вот как...Когда к это она успела?

- Они проворные...Сейчас девять пятнадцать...

- Хорошо, я буду к десяти.

Полицейский инспектор криминальной полиции Мор долго сидел на белом стуле с высокой золоченой спинкой, разглядывая Леопольда Гранше; голова миллионера была разнесена пулей, огромная кровать залита буро-желтой кровью; пистолет валялся на белом, мохнатом ковре; когда эксперт поднял на инспектора глаза и отрицательно покачал головой, Мор снял трубку телефона и набрал номер шефа, комиссара Матэна:

- Отпечатков нет.

Матэн долго молчал, потом сказал сухо и рубяще:

- Никаких контактов с прессой! Постарайся сделать все, чтобы информация не попала в вечерние газеты!

- Не обещаю,- буркнул Мор.- Слишком заметная фигура.

- Тем не менее, я полагаюсь на твой опыт, Мор.

Посол Андреенко был сед, моложав, поразительно быстр в движениях; со Степановым их связывала давняя дружба; разница в возрасте - двадцать лет,- чем дальше, тем больше стиралась:

- Хочу вам представить вице-консула Болгарии товарища Вылчева.

Вылчев подал Степанову руку.

-Я не очень нарушил ваши планы?- спросил Андреенко.

- А я люблю, когда нарушают мои планы... Особенно если по делу. Если мне мешают работать,- усмехнулся Степанов,- это еще больше аккумулирует добрую злость, пишется потом особенно жадно...

Андреенко покачал головой:

-"Добрая злость"? Не слишком ли много в этом силлогизме от фокуса?

- Ну и что? Плохо, если его мало. Фокус, как и анекдот, суть сюжет для книги, повод для дискуссии, побудитель несогласия...

- И это хорошо?

- Бесспорно, Петр Васильевич." Я пришел в этот мир, чтобы не соглашаться"; это - Горький. "Подвергай все сомнению",- Маркс.

- Когда это говорят мыслители, они готовят мир к новому качеству, Дмитрий Юрьевич, и я с ними солидарен, но и великому часто сопутствует прослойка несостоявшихся лентяев, которые козыряют гарантированным правом не соглашаться во имя того, чтобы бездельничать.

- Отлито в бронзу,- Степанов вздохнул.- Можно чекушить.

Андреенко открыл красную папку, ловко пробежал машинопис-

ный текст, спросил, не поднимая глаз:

- Вы болгарского журналиста Стоянова знаете?

Степанов нахмурился, вспоминая, поинтересовался:

- Он аккредитован во Франции?

- Нет, в Женеф, это европейский Пресс-центр...

- Что-то слыхал, Петр Васильевич, но знать - не знаю. Быть может, встречались где...Что-нибудь случилось?

- Да,- сказал Вылчев. - Ночью, в своей квартире он был избит до полусмерти и отправлен на самолете Красного Креста в бессознательном состоянии в Софию. В консульстве об этом узнали от неизвестного. Он предупредил, что если болгарин еще раз посмеет приставать к его любимой женщине, Мари Кроос, он будет убит.

- Мари Кроос - журналистка из Гамбурга, аккредитованная при Пресс-центре, там же, где работал Стоянов,- добавил Андреенко.

Степанов пожал плечами:

- А какое все это имеет отношение к Парижу?

- Непосредственное,- ответил Вылчев.- Сегодня утром офицер безопасности нашего посольства доложил, что кто-то, назвавший себя доброжелателем, оставил в консульстве пленку, в которой хранилась запись разговоров Стоянова и этой самой Кроос... Интимные разговоры... В записке, оставленной вместе с пленкой,говорится, что Стоянов дурно себя вел...

- Что-то пахнет грязью...

- Согласен,- сказал Вылчев. -Естественно, по своим официальным каналам мы будем серьезно заниматься этим делом, но вы журналист, у вас совсем другие возможности.

– Именно поэтому,– подхватил Андреенко,– мы и хотели предложить вам этот сюжет для небольшого рассказа...Беретесь? Или дел невпроворот?

– Я же сказал: мне нравится, когда мешают.

– Ты должна мне оставить хотя бы иллюзию свободы,– сказал Бреннер, отошел к окну, чтобы сдержать ярость.– Мы живем с тобой девять лет, и тебе пора понять меня. Я не могу ездить в Киль, потому что там,– по твоим сведениям,– у меня была любовница Хельга, и в Рим – там была Вероника. По твоей милости Европа сделалась для меня очень маленькой. Лгать тебе? Говорить, что я лечу в Лиссабон – там у меня, кажется, пока еще никого не было, и заворачивать в Гамбург, чтобы выгодно продать цикл репортажей под чужим именем, получить деньги и смиренно привезти их тебе? Я,– чем дальше, тем больше,– не могу понять чего ты хочешь, Мишель?

– Правды. Я хочу правды.

Эти унылые скандалы, ставшие составной частью их быта, повторялись не менее трех раз в месяц. Сначала они довольно быстро мирились, чаще всего в кровати, но потом, чем известнее становился Бреннер, чем уважительнее говорили о его политических анализах в газете, чем более серьезные задания ему давал шеф-редактор, отправляя то в Москву, то в Вашингтон, то в Пекин, и Токио, тем тяжелее и горше было ему дома, ибо Мишель, не желавшая знать его дел, требовала от него невозможного. Бреннер был убежден, что она любила не его, а свою любовь к нему.

– Мы с тобой одного роста,– закричал Бреннер,– моя обувь только на размер больше твоей, тебе нужен тренажер с бицепсами! Ходи в бассейн! Устанай! Перекопай наш сад! Или заведи себе любовницу, но так, чтобы это было в рамках номинального приличия! И перестань шить из меня веревки! Если я сложу от инфаркта – тебе будет очень несладко жить! Я всюду в обороне – в редакции я обороняюсь от завистливых друзей, в поездках – от врагов, дома – от тебя! С тобой нужно жить с позиции силы, на это должны все сильные мужчины! Завести любовницу – и все! Не нравится – развод! Хочешь жить, как живешь сейчас рядом со мной – с нашими и летними поездками в Биарриц – терпи!

...Бреннер всегда вздрагивал, когда звонил телефон. Он купил в Лондоне громадный, золоченый аппарат начала века. Этот золоченый ящик издавал звук, напоминающий сигнал тревоги в тюрьме.

– Да!– яростно, словно продолжая спор с женой, крикнул Бреннер в замысловатую трубку.– Кто?!

– Добрый день, можно попросить месье Бреннера?

Он быстро передал трубку жене:

– Спроси, кто говорит и скажи, чтобы оставили свой номер,– я в ванной...

– Алло,– пропела Мишель.– Что передать месье Бреннеру? Он в ванной...

– Передайте, что звонит Дмитрий Степанов, он меня встретил вчера в аэропорту, мы провели вместе вчерашний вечер.

– Вечер?– тотчас усомнилась Мишель.– Он вернулся домой в пять утра.

"Родные мотивы,– усмехнулся Степанов,– видимо, я несколько

подвел коллегу.

– Нам было так весело, мадам Бреннер, что я потерял счет времени.

Мишель закрыла мембрану ладонью и шепнула мужу:

– Какой-то Стефа...

Бреннер взял у нее из рук трубку:

– Привет вам, Степанов...Простите, я его всех скрипачей... Очухались после вчерашнего?

– Я вас не очень подвел своим звонком?

– Меня уже нельзя подвести: я давно занес ногу в пропасть, любимые подталкивают, но я пока что балансирую, нелепо размахивая руками...

Степанов усмехнулся:

– Вам не приходилось читать "Молитву для людей среднего возраста", рекомендованную английской церковью?

– Нет.

– Там есть прекрасный постулат:" Сохрани мой ум свободным от излияний бесконечных подробностей".

– Приобретаю.

– Постулаты не продаются. Их пишут для того, чтобы распространять бесплатно...Пропаганда...

– Тогда давайте все, что у вас есть из этого англиканского пропагандистского арсенала...

– Могу. Мне, например, нравится такая заповедь:"Я уже не смею просить о хорошей памяти, но лишь прибегаю к стопам твоим с просьбой не делать меня самоуверенным, а потому смешным, при встрече моей памяти с чужой".

Бреннер посмотрел на Мишель с тоской, покачал головой и потянулся за сигаретой.

- Слушайте, - сказал между тем Степанов,- у меня к вам вопрос...

- Пожалуйста...

- Вам имя журналистки Мари Кровс ничего не говорит?

- Это девчонка, которая сидит в Шенеф?

- Да.

- Любопытная девка.

- Может быть выпьем кофе? У меня есть к вам вопрос.

- Хорошо, в пять часов у Пьера, в Латинском квартале.

...Степанов пришел в кафе раньше и ждал Бреннера.

Однако в пять часов Бреннер не пришел, к Степанову подошел официант Лобер, из г о л у б и х, доверительно и ласково положил свою холеную ладонь на плечо гостя, низким басом, глухо покашливая, сказал:

- Месье Бреннер просил передать, что у него чрезвычайно важное дело, он не может приехать, и если ваш вопрос не терпит отлагательства, ждет вас к себе в редакцию, что-то к девяти вечера, он попытает к этому времени высвободить тридцать минут, а кофе вам приготовит его секретарь, кирпич блика с блудливыми, как у мартовской кошки, глазами...Я убежден, она тайно плюет в его кофе, потому что он перестал с ней спать после того, как она раздалась, будто винная бочка... Что-нибудь выпьете?

- Нет, спасибо,- ответил Степанов.- Я немного поработаю. Пожалуйста, принесите мне еще один стакан воды.

После того, как пришло сообщение о самоубийстве Грацио, президент Санчес собрал экстренное заседание кабинета.

– Прошу почтить память Грацио вставанием и минутой молчания,– сказал Санчес.

Все встали.

Через минуту Санчес продолжал:

– С гибелью Грацио вопрос об энергопроекте и займе под это гигантское,– в масштабах Гаранаса,– предприятие поставлен под удар. Все мои попытки свестись с Эрнаном Тувеном, который в принципе не отвергал возможность своего участия в финансировании проекта, пока что оказались безрезультатными. Так же безрезультатными попытки свестись с представителями Дома Грацио на биржах, Уфором и Бланко; их телефоны молчат, секретари не дают ответа, где их можно найти. Я опасаюсь удара по тем акциям на бобе какао, которые мы выпустили под заем Грацио. Я опасаюсь финансового кризиса, который может разразиться в ближайшие часы. В какой мере мы готовы к такого рода испытаниям?

Директор радио и телевидения.– Я предлагаю Санчесу обратиться к нации по поводу случившегося.

– Я поддерживаю это предложение,– сказал министр финансов.

– Предлагаю воздержаться от выступления в котором Санчес обязан выразить мнение кабинета,–сказал майор Лопес,– но предлагаю ввести военное положение в стране, вывести из казарм армию и занять все стратегически важные узлы в городах, на побережье и вдоль сухопутных границ.

– Я возражаю!– Пепе Луранго встал,– такого рода меры вызовет панику и может привести к непредсказуемым последствиям.

На Севере будут рады такого рода жесту правительства,- заключил Пеге Аурелио,- ибо это позволит начать кампанию по поводу неустойчивости положения в Гаривасе,"угрозе" национальным интересам Штатов, которые, конечно же, обязаны быть защищены не только всеми возможными дипломатическими барьерами, но и морской пехотой.

- Считаю Барри Дитона повинным в настоящем кризисе!- сказал адъютант по военно-морским силам капитан Родригес,- ибо американский финансист развернул активную деятельность в Гаривасе, особенно в течение последнего месяца. Я предлагаю выступить в печати с резкой критикой северного соседа, и тех его представителей, в лице Дитона, которые в своих целях мешают развитию нормальных отношений между двумя странами!

Министр иностранных дел сказал:

-Правительство не располагает документами по поводу незаконной деятельности людей Дитона, это может привести к еще более серьезным осложнениям с администрацией Белого Дома, чутко реагирующей на то, как затрагиваются интересы Уолл-стрита в Центральной Америке.

В кабинете Вэлша секретарь читал донесение.

- Министр энергетики и планирования Энрике Прадо предложил немедленно отправить делегации в Вашингтон, Мадрид, Бонн и Москву для того, чтобы на местах внести предложения о финансировании энергопрограмм, в случае, если после гибели Грашо, его концерн откажется проводить линию покойного руководителя,

В заключение Санчес задал вопрос:

-Не настало ли время объявить о вооружении народа, создании народной милиции и одновременном обращении в Международный Валютный Банк с просьбой о немедленной помощи - на любых условиях, под самые высокие проценты?

-Мнения членов кабинета разделились,- секретарь посмотрел на Белли. - Санчес предложил провести следующее заседание правительства завтра утром, когда, по его словам," Мы получим более или менее полную информацию от наших послов в Европе и Северной Америке".

Резидент

Роберт Бош".

- Видимо, копии стоит отправить директору и помощнику президента?- спросил секретарь, протягивая донесение Беллу.

- Ничего определенного пока нет, не о чем информировать...Я предпочитаю сообщать начальству о конечном успехе.

Бреннер действительно угостил Степанова крепким кофе, поинтересовавшись при этом:

- Любите капучино?

- Это когда холодные сливки кладут в горячий кофе и получается сладкая, темно-желтая пена?

- Именно.

- Обожаю.

Бреннер нажал кнопку селектора, странно поклонился микрофону, словно бы извиняясь перед ним, и сказал:

- Вильям, было бы очень славно, найди мы возможность попро-

сить кого-нибудь поднять нам мороженое, я хочу угостить русского коллегу итальянским капучини.

– Я постараюсь,– ответил сухой женский голос, и Степанов сразу понял, что это та самая секретарша, о которой с раздражением говорил официант в кафе; лишь только те женщины, которые были близки с мужчиной, могут говорить с такой обидой и снисходительным превосходством, особенно, если обе стороны чувствуют невозможность восстановить отношения;

Бреннер отключил селектор, мазнул Степанова рассеянным взглядом – понял ли тот интонацию; не смог определить; открыл пачку "галуаза", неловко прикурил и, видимо, досадуя на себя, заметил:

– Я не смог приехать к вам, оттого что пришла сенсация, но мы не втиснули ее в выпуск, позор, стыд, конец миру свободной журналистики!

– Что-нибудь интересное?

– Застрелился Леопольдо Грацио...

– Кто это?

– Фу, Степанов, как не стыдно! Либо вы хитрите, либо я был о вас слишком высокого мнения...Леопольдо Грацио – чудо послевоенной деловой Европы, парень нашего возраста, пятьдесят один год, начало заката, но силы хоть отбавляй, стоит семьсот миллионов долларов, президент "Констраншенкорпорейшн", содиректор "Банка валютных операций", хозяин двух гонконгских банков, человек, который тратил на себя двенадцать долларов в день и обедал в рабочих столовых...Правда, у него свой "боинг", две яхты и семнадцать аппартаментов в крупнейших отелях мира... Полиция поступила подло, он шлепнулся утром, а мне позвонили только в половине пятого, после того, как тираж пошел подписчикам... Я готовил экстренный вы-

пуск, поэтому не смог к вам приехать...Кстати, отчего вы интересовались Мари Кровс?

– Это связано с судьбой нашего коллеги, болгарского журналиста Стоянова.

– Дмитр,это не по правилам.

– То есть?– Степанов не понял Бреннера.– О чем вы?

– Я люблю русских, мне это завещал отец, он был в них, его завет для меня свят, но иногда я ничего не могу поделать с собою: меня гложет червь недоверия, когда я имею дело с ними.

– Персонально со мной?

– Я имею в виду русских. Всех. Скопом. Вы скрытничаете, недоговариваете, словно бы стремитесь сами себя...

Степанов вздохнул:

– По молодости бывает...

– По зрелости тоже. Вы утром спросили меня о Мари Кровс. Это было что-то около одиннадцати. Значит, вы знали про то, что мадемуазель Грацио, по мне об этом не сказали, а пошли своим обычным российским, окольным путем...Ведь я только что кончил говорить с мадемуазель Кровс, она – специалист по людям, типа Грацио, встречалась с ним, занималась его конгрессом и банком, писала о нем...Вот так-то.

– Это какая-то чертовщина,Бреннер... Я ничего не знал про Грацио, дам слово...Все иначе...Я скажу вам, в чем дело, но я говорю вам об этом доверительно, хорошо?

– Я буду нем, как рыба.

– В Вене работал наш коллега Стоянов, молодой парень... Его увезли в Софию с проломленным черепом...Его чудом не угроби-

ли, чудом... За то, что он, люби, был слишком близок с Мари, понимаете? Вот отчего я интересовался ею...

- Когда его гробанули?

- Вчера.

- Она знает об этом?

- Я не говорил с ней...Я жду визу.

- Хотите позвоню я?

Степанов исторопливо закурил, ответил задумчиво:

- Черт его знает...А почему - нет?

- Я могу сказать ей про этого самого...

- Стоянова?

- Да,- поморщился Бреннер.

- Говорите, как считаете нужным...И предупредите, что я приеду в Шенеф сразу же, как получу визу.

- Забудьте про ваши русские номера:"как только получу визу"...Это ваше дело, когда вы получите визу... Ее дело согласиться на встречу и назначить время и место...

Бреннер набрал номер.

- Вас беспокоят из Парижа,говорит Бреннер, соедините меня с мадемуазель Кровс,- зажал мембрану ладонью, объяснил,- она в баре Пресс-центра...Хорошая жизнь, а?!

- Спросите ее, какого она мнения о Столпове, как о журналисте...

- Если это была за близость с этой дрянью, надо спрашивать про другие качества.- Бреннер отчего-то вздохнул, нажал на селекторе кнопку, поинтересовался,- хотите слышать наш разговор?

В селекторе прозвучал низкий голос:

- Кровс.

- Здравствуйте еще раз, это снова Бреннер.

- Добрый вечер, мистер Бреннер.

- Могу я задать вам еще несколько вопросов?

- Пожалуйста, хотя я ответила то, что мне представлялось возможным вам сказать...

- Речь пойдет не о Грации, мисс Кровс. Известно ли вам имя болгарского журналиста Столнов...- Бреннер посмотрел на Степанова, снова прикрыл ладонью мембрану, но Кровс ответила:

- Мне не просто известно его имя, мы дружны.

- Вам известно, что его в бессознательном состоянии увезли в Болгарию?

- Что?!

- Да, на него было совершено нападение...Он, как говорят его русские коллеги, очень плох...Мотивом убийства послужили, якобы, ваши отношения...

- Ах, вот так? Его обвинят в том, что он спал с представительницей бульварной прессы?

- Его обвинили в том, что он был близок с женщиной, которую любит неизвестный друг...

- Неизвестный друг обязан быть связанным с корпорацией Дитона, мистер Бреннер, потому что Столнов последовал то же материалу, которые интересовали и меня...Точнее говоря, он...Словом, у меня нет ревнивого друга, который готов на безумство...

Степанов показал пальцем на особ. Бреннер быстро закрыл трубку ладонью, спросил:

- Хотите поговорить?

- Да.

Бреннер на секунду закрыл глаза, видимо, стремительно продумывая то, к а к он должен сказать Кроус про к р а с н о г о; снова потянулся за сигаретой, стремительно прикурил, прижав трубку острым плечом к уху, и сказал:

– Мисс Кроус, у меня в гостях наш русский коллега Степанов; он писал репортажи о партизанах Лаоса и Вьетнама, был в Чили накануне трагедии, и дружил с вождем "Красной Армии действия" Ульрикой Майнхоф. Он хочет поговорить с вами.

– Пожалуйста,– ответила женщина, помедлив.– Я слушаю.

Бреннер протянул трубку Степанову.

– Добрый вечер, мисс Кроус. Я жду виз, думаю, мне дадут ее в ближайшие дни...Вы сможете повидаться со мной?

– Конечно.

– Я возьму у господина Бреннера номер вашего телефона?

– Можете записать домашний. Тридцать семь, двадцать четыре, сорок девять...Степанов плох?

– Да.

– Почему его не госпитализировали здесь?

– Потому что кто-то позвонил в его консульство и угрожал ему...Потому что его обвиняют в том...

– Я уже слышала...У меня нет ревнивых друзей, а у него могли появиться серьезные враги...Не-за меня, это верно. Пару недель тому назад... Приезжайте, я вам расскажу кое-что...Днем я обычно в бюро или баре, вечером – дома.

Когда Степанов положил трубку, Бреннер заметил:

– Страшная история...Концерн Дитопе...Почему посмотрели по справочникам? Они – хоть и не прямо, все-таки обвинили этого старика...Вы, конечно же, ничего о нем не знаете?

– Я знаю о нем, и знаю не мало.

– Вот как?!– Брейнер удивился.– Все-таки, вы непредсказуемые люди! А может быть, мы доверчивые птицы в сравнении с вами, и вы постоянно играете нами, словно детьми?

– Если бы,– усмехнулся Степанов.– Каждый из нас пытался поиграть другим, что не есть хорошо, как говорят мои немецкие друзья.

– Пошли в досье, там расскажете мне про Дитона, перепроверим ваши данные по нашим последним справочникам...

–Лапиньон,– попросил своего молодого помощника инспектор Мор,– на все звонки журналистов отвечайте, что новой информации не поступало, версия самоубийства остается прежней, хотя, с моей точки зрения, во всем случившемся есть ряд "черных дыр", которые пока я не намерен комментировать.

Звонили беспрерывно.

– Нет, никакой новой информации,– отвечал коротко Лапиньон.– Нет, версия самоубийства остается прежней...

В кабинете комиссара Матэна звонили телефоны.

– Нет, ничего нового,– говорил он в одну трубку и тут же снимал другую.

– Говорит корреспондент "Геральд Трибьюн",– раздалось в трубке,– хочу пожаловаться на нарушение закона об ответственности чинов сыска за гласность информации.

– Обещаю вам разобраться, да,да, обещаю!– Метэн бросил трубку.– Нет, покоя не будет,– заворчал он.– Покоя не будет, надо уехать!

Метэн быстро набросил легкое пальто и выскочил в прихожую.

– Комиссар Метэн, комиссар!– закричала вслед секретарь.

– На проводе мистер Джон Хоф, просит соединить его хотя бы на три минуты.

Метэн знал, кто такой Джон Хоф, подошел к аппарату, не уследил за лицом, почувствовал гримасу некоторого подобострастия, рассердился на себя, ответил поэтому сухо:

– Комиссар Метэн слушает.

– Доброе утро, комиссар, спасибо,что нашли для меня время... Меня замучили мои попрошайки из нашего посольства, в газетах появились спекуляции, связанные с трагической кончиной Грилло, он был большим другом Штатов, его самоубийство встревожило всех... Не согласились бы вы пообедать со мною, комиссар? В чье имя,– торопливо закончил Хоф, опасаясь услышать отказ,– в ресторанчике Пьера Жиго?

Фотография Джона Хофа. Текст:

"Джон Хоф был резидентом Центрального разведывательного управления, жил здесь по крыше вице-директора "Всемирной страховой компании", поддерживал отношения с полицией открыто, как-никак возглавляет страховую компанию; связи его были широки и надежны; комиссар Метэн ответил поэтому:

– А у вас нет никаких сведений, связанных с этой трагедией?

– Кое-что есть.

–

– Хорошо, я принимаю ваше приглашение, мистер Хоф.

Комиссар снял пальто, попросил секретаря не с кем его не соединять и вызвал инспектора Шора.

– Я был бы тебе обязан, малыш, ты мне все свои соображения по делу Грацио, дорогой Соломон.

Шор удивился: комиссар обычно не вмешивался в его дела, ждал, когда инспектор сам придет с новостями; за помощью никогда не обращался, он привык работать в одиночку.

– Еще рано делать выводы, шеф.

– Мне надо быть готовым к разговору с человеком, который живо интересуется трагедией...

– Не один этот человек им интересуется,шеф, а все.

– Этот человек интересуется трагедией не ради любопытства, Шор, дело экстраординарное, под нас ищут политическую подоплеку, уже,– ты, верно читал материалы пресс-центра,– приплели Мафию, ЦРУ, КГБ и палестинцев...

– Я не убежден, что он плетнулся,– Шор пожал плечами.– Экспертиза только что прислала мне ответ на повторный запрос: на пистолете нет отпечатков пальцев, а Грацио лежал на кровати без перчаток...

– Ну, а если горничная с испугу вытерла рукоять?

Шор закурил и, вздохнув, заключил:

– Ха-ха-ха!

– Ты будешь шутить,– поморщился комиссар,– когда свалишь дело в архив, пока что тебе не до шуток, Шор. Дальше, пожалуйста.

– Дальше – проще. Я установил, что Грацио вызвал на десять

утра Бенджамина Уфера и Хуана Бланко...И тот и другой были его доверенными людьми, биржа и международные связи; Бланко искал контакты в Юсии и Пекине, а Уфер выполнял самые щекотливые поручения на бирже. Помнишь эпизод, когда кто-то решил повалить Ханта, пустив бедолагу по миру с его запасами серебра? Так вот, Уфер приложил к этому руку, сработал по высшему классу, никаких улик...Я вызвал их на допрос...Фрау Дори была невменяема... Обрывки информации. Буду беседовать с нею сегодня, думаю, она пришла в себя...Довольно любопытна его записная книжка...Там телефон посла Гариваса Николаса Колумбо и запись о ланче, который должен был состояться у них сегодня в два часа во французском ресторанчике, даже меню заказано - "салат мерикиональ", жамбон, зеленый салат и сливы, антрекот "мотрдотель",на десерт "шуа де фромаж" и "айриш кофе"...Как быть? Имею ли я право вызвать на допрос этого посла?

- Ты сошел с ума?- деловито осведомился комиссар Матэн.

- Отнюдь. Трижды звонила какая-то баба из Гамбурга, она аккредитована в Шеноф, при Пресс-центре, требует встречи, говорит, что ей известны причины, приведшие к преступлению... Она прямо говорит, что миллионера убили, и утверждает, что ей известно, кому это было выгодно...

- Кому же?

- Она требует встречи и предметного разговора...Я отказываюсь...Она грозит бабахнуть свою информацию...

- Ты знаешь ее фамилию?

Шор медленно поднял глаза на комиссара и кивнул.

- Как ее фамилия?- повторил свой вопрос комиссар.

- Кровс.

- Пригласи ее, не надо ссориться с прессой...К послу Га-

риваса я бы на твоем месте позвонил и попросил его назначить встречу...Ни о каком допросе речи быть не может...

- Хорошо...

- Как у покойника было с бабской линией?

- Как у всех...

- То есть?

- Имел двух-трех любовниц, с женой, Анжеликой фон Варецки, давно не живет...

- Где она?

- В Торремолинос, где-то в Испании...

- Тебе не кажется разумным слетать к ней?

- Оставленные бабы всегда валят три короба дерьма на своего бывшего, стоит ли брать в толк ее показания?

- А если его жена исключение?

-"Бывшие жены" не бывают исключениями, тебе, как шефу, можно позволить себе иллюзии, я живу грубой явью...

- А я женат вторым браком, Шор, и сохраняю с первой женою самые дружеские отношения...

"Наивная, святая простота; воистину стареющие мужчины невероятно глупы, самая глупая баба в сравнении с ними - Ларошфуко; в сравнении со мною тоже, поправил себя Шор, я тоже не юноша, пятьдесят четыре - все-таки, возраст, куда не крути.

- Я понимаю,- сказал,наконец,Шор,- наверное, ты прав, я и первым-то браком не успел сочетаться, сплю со шлюхами, это дешевле, чем благоверная, никаких претензий, семь раз в месяц по пятьдесят франков за удар, коплю на гостиницу в Сен Морице...

Комиссар рассмеялся:

– Ну, хорошо, вернемся к делу...Кому могло быть выгодно убийство,– если это, как ты считаешь, действительно убийство?

– Черт его знает...Сегодня иду на биржу, надо посмотреть, что к чему, я ж еврей-выродок, патриот швейцарской конфедерации, в бога не верю, в синагоге не молюсь, акции не покупаю, оттого, что пока еще не научился продавать совесть... А на бирже началась игра...Через пятнадцать минут после того, как я вошел в номер полковника, его акции полетели вниз, кто-то грел на нем руки...

– Вечером или,в крайнем случае, завтра утром я бы попросил тебя рассказать мне, как прошел день.

Шор поднялся:

– О кей...Я – свободен?

– От меня – да,– улыбнулся комиссар,– но не от обстоятельств...

Джон Хоффбил, как обычно, весел и резок в жестах (постоянно бил посуду в ресторанах, платил за убытки щедро, поэтому его приходу радовались и хозяева и официанты, впрочем, он выбирал для деловых встреч маленькие ресторанчики, где официантов не было – хозяин готовил, хозяйка, дочь, сын или невестка обслуживали гостей, очень удобно, полиция конспирации, времена крутые, клиентом дорожат).

– Месье Матэн, нас угощают сегодня оленем, ночью привезли с гор, стараются охотники Вентрии, у них на границе с Австрией замечательно отлаженные охотничьи хозяйства...Пильзете каминари?

Или как мы, грубые янки, жахнете виски?

– Немного виски со льдом, благодарю вас.

– Забегая вперед, хочу вас обрадовать: Лиго договорился с кубинцами, и напряжую покупает у них самые роскошные сигары, так что я обещаю вам двадцать минут блаженства после кофе.

– Сегодня придется сократить,– ответил комиссар,– в связи с делом Грацио у меня совершенно нет времени, каждая минута на счету.

Он тактично пригласил Джона Хофа к делу, тот был смекалист, к беседе всегда готовился тщательно.

– На нас часто обижаются, заметил Хоф,– за излишний практицизм..."Они высокомерны, эти янки, смотрят на часы, прерывают беседу, ссылаются на занятость, никакого такта"...

– Мы, швицы – нация банкиров и лыжников,– ответил комиссар,– и те и другие в ладу с понятием "время".

Джон Хоф рассеялся:

– Вы меня прямо-таки толкаете коленом под зад, комиссар Матэн...Хорошо, я готов...Утром у меня было три разговора с Нью-Йорком и Вашингтоном, звонили люди, так или иначе связанные с Леопольдо Грацио...Они потрясены случившемся. Их, понятно, интересуют обстоятельства трагедии...Сейчас, как вы понимаете, те, кто был с Грацио на ножах, станут пускать слухи о банкротстве, и все такое прочее, может начаться паника, он ведь не только строил электростанции и мосты, играл на бирже и вкладывал деньги в рискованные предприятия, он еще давал займы целому ряду режимов, особенно в Латинской Америке...Что, по вашему, могло привести его к столь страшному решению?

Комиссар понял, что Хофу угодно выслушать объяснения версии "самоубийства", он сразу же отметил, что американца устраивает именно эта версия. "А почему?- спросил он себя.- Или Хоф хитрит? Он хитер, как дьявол".

- Поскольку наши разговоры как обычно весьма доверительны, мистер Хоф, я позволю себе заметить, что у нас не все разделяют веррию самоубийства Грацио...

Джон Хоф откинулся на спинку красного плюшевого кресла:

- Не может быть?! Кто же убил - в таком случае?

- На главный вопрос:"кому это выгодно?", я пока что не могу ответить...

- Кто ведет следствие?

- Инспектор Шор...

- О, это, как я слыхал, ваш главный ас...

- Верно.

- И он всерьез полагает вмешательство какой-то неведомой силы в эту трагедию? Я еще не слыхал о такого рода версии. В прессе пока не было?

- Шор не любит прессу, он привык работать в тишине... Олень, действительно, был великолепен...

- Я рад...Пьер Жиго вымачивает мясо,- хотя бы три-пять часов в очень терпком вине, кажется, он предпочитает португальские, там есть совершенно черные вина, рот вяжет...Хм... Вы меня озадачили...Если такого рода версия появится в печати, это может позволить левым начать очередную компанию против банкиров,- и ваших и наших,- но поскольку, как мне объяснили друзья, последние годы Грацио ориентировался на европейский

бизнес, компания обрушится на головы бедных дедушек с Уолл-Стрита...

- Ваши предложения?

Хоф отхлебнул вина, пожал плечами:

- Идеально, если бы мы смогли удержать прессу,- хотя бы ближайшую неделю,- в той версии, которая сформулирована в выпусках вечерних газет...

- Почему именно неделю?

- Для того, чтобы наши лица смогли подготовиться к объяснениям...Вы же знаете, что кончается неконтролируемость слуха...

- У русских есть точное выражение:"на каждый рот не набросишь платок"... Где гарантия, что какой-нибудь журналист,- а полиция уже есть,- не напечатает свою версию в газете?

- А кто этот "неизвестный" даст свою оригинальную версию?

Поскольку комиссар Матэн держал акции трех швейцарских корпораций, швейцарской "Нестле" и западно-германской "БМВ", поскольку Хоф несколько раз,- обычно после такого рода встреч,- давал дельные советы, на какую компанию следует ставить в ближайшие недели, он ответил, чуть, впрочем, помедлив:

- Некая Кровс из Гамбурга.

Хоф пожал плечами:

- Это имя мне ничего не говорит.

"Перехал,- ответил Матэн,- надо было ответить спокойнее, а, может быть, и вовсе не отвечать, просто-напросто пожать плечами. Он знает эту гамбургскую девку, нет сомнения"...

Сегодня вечером или завтра поутру Шор сообщит мне резуль-

тати допросов весьма важных свидетелей...Потом он что-то ищет на бирже,- Матэн усмехнулся и о т д а л Джону Хофу главную информацию.- Предупредите вашего коллегу по бизнесу Барри Дитона, чтобы он аккуратнее вел свои дела, его имя в журналистских кругах связывают с трагедией Гранде.(Запись телефонного разговора Марии Кроше с Брейнером и Степановым он прочитал сегодня утром, отделом прослушивания фиксировались все разговоры, связанные с делом Гранде; имен Степанова и Брейнера, тем не менее, отдавать американцу не стал). А что касается поисков моего Шерлока Холмса, то я подскажу вам, в каком направлении он идет, мистер Хоф...

- Я убежден, что все будет идти, как и шло,- ответил Хоф.- То есть, в нужном направлении... Возможно, у меня появятся любопытные новости: резервирую за собой право позвонить вам завтра... Кстати, если думаете, что "Эппилайн корпорейшн" закончилась - побойтесь со мною об заклад. Помните нашу дискуссию на эту тему во время прошлой встречи?

- Я, как и вы, помню все, мистер Хоф. Благодарю за точность,- Матэн усмехнулся...

Джон Хоф включил настольную лампу, закурил и сказал:

- Я готов.

- Джону Хофу. 10часов 27 мин,- начал читать шифротелеграмму его заместитель Джозеф,- предпримите все возможные меры для того, чтобы в местной прессе никто не подверг сомнению версию самоубийства Гранде. Джордж Вайт".

"Джону Хофу. 12часов 55 минут. Соответствует ли действительности информация, согласно которой инспектор полиции Шор готов выдвинуть обвинение против неизвестного(или неизвестных), лишивших жизни Леопольдо Грацио? Вильям Аксель, отдел стратегических планирований".

"Джону Хофу. 17 часов 42 минуты. До начала операции "Коррида" осталось тринадцать дней. За это время,- в случае, если вы не сможете убедить инспектора Шора в нецелесообразности опровержения версии самоубийства,- вам необходимо организовать компанию в местной прессе, а также в прессе сопредельных стран, устроив "утечку информации", о том, что Леопольдо Грацио был убит по поручению левоэкстремистских элементов в правительстве полковника Мигеля Сенгиеса; предположительно, одним из этих людей был Максимо Куэнка, проходивший обучение в лагерях для террористов у Кастро и в особо секретном центре КГБ под Витошей, в Болгарии. Фотография Максимо Куэнка отправлена, обеспечьте встречу курьера рейс 42-14, компания "ТВА". В настоящее время он проживает в Вадуце, в пансионате фрау Шольц, под фамилией Питер Лонгер; пароль для встречи:"Дядя Герберт просил вас срочно отправить ему ваши последние фотографии, сделайте это, ибо старик очень хвор". Отзыв: "Дядя Герберт поменял свои аппараменты и не прислал мне новый адрес". После этого он выедет в Базель, где будет ждать встречи в ресторане "Пур голден кроне", пароль для ~~встречи:"Дядя~~ связи:"Милый Питер, вы же всегда обедаете в итальянских ресторанах, не следует менять привычки". Отзыв: "Привычки существуют только для того, чтобы лишний раз убедиться в моей главной привязанности". Вы излагаете ему задачу, проработав заранее места, где он будет жить, рестораны, где он обязан пи-

таться так, чтобы его запомнили, в дальнейшем - никаких прямых контактов, выведение его из комбинации проведете после того, как он выполнит задание, на котором будет скомпрометирован; комбинацию планируйте сразу же после получения данного сообщения; Вильям Брайен".

"Джону Хофу. 18 часов 12 минут. Передайте дополнительную информацию о Мари Кравс, 1953 года рождения, место рождения Гамбург, отец Ганс Иоган Пикс, профессор экономики, журналист, оплачиваемый концерном Бельсмана, выступает в прессе под псевдонимом Жюль Бернье, постоянно проживает в Париже со своей любовницей Гала Оф; мать Элизабет Пикс, домохозяйка в Западном Берлине; Ам Альтплатц, 12, живет сепаратно от мужа, официально не разведены; брат - Ганс Пикс, 1963 года рождения, студент Свободного университета в Западном Берлине, придерживается левоэкстремистских убеждений. Соберите информацию о болгарском журналисте Стоянове в плане его компрометации по поводу сотрудничества с болгарской разведкой нКГБ. Следует подготовить человека, который - в случае необходимости,- дает показания о том, что Стоянов платил ему деньги за развединформацию. Человек обязан быть высоконадежным. Вильям Аксель, отдел стратегических планирований".

-Пока все,- сказал Джозеф.

- Ничего себе "пока",- усмехнулся Хоф.- Берите бланк и пишите:" Вильяму Акселю.- Хоф посмотрел на часы.- 19 часов 57 минут. В здешней прессе...

В кабинете Вольша Аксель продолжал читать шифротелеграмму:

– ...предположительно через интересующую вас Мари Крове,– может быть поднят вопрос о конфронтирующем пересечении интересов концерна Барри Дигона и фирм, которые контролировал Грацио; если это так, следует срочно подготовить контрдезьюны, которые я смогу – через моих людей – напечатать в ряде здешних газет. Приступаю к выполнению ваших указаний. Джон Хоф".

– Спасибо, Аксель.

Когда Вильям Аксель ушел, Вэлш некоторое время сидел, откинувшись в кресле, затем резко снял трубку и набрал номер:

– Барри,– сказал он,– нам нужно встретиться.

Барри и Вэлш стояли на балконе загородного дома Дигона.

– Да,– задумчиво сказал старик,– Все теперь зависит от нас. Я – отмечу, чтобы на меня не катили, я к этому привык; вопрос заключается в том, успеете ли вы привести к власти майора Лопеса? Если опоздаете, скандал будет громким, интересам Штатов вполне может быть нанесен чувствительный удар. Только в том случае, если Лопес сядет в президентский дворец, я смогу заставить замолчать имена с ваши противников, цена не какао-бобы позволит мне заинтересовать тех, кто стоял за Грацио, бедный, бедный, кто бы мог подумать...

Вэлш смотрел на Дигона и думал:

"И это про нас-то говорят, как про костоломов, а?! Какая все-таки несправедливость! Мои люди выполнят то, что им предписано уставом и руководством, а Дигон одной рукой толкает человека в пропасть, а в другой держит цветы, чтобы возложить их

на крышку гроба".

- Вы убеждены в том, что Найки Вэли крутит свой бизнес в Гаривасе без санкции босса?- спросил директор ФБР у своего помощника.

- Этого я утверждать не могу. Я утверждаю лишь то, что он встречается с людьми Уолл-Стрита, соблюдая все законы конспирации. А от своих,- если есть санкции босса,- не конспирируют.

- Подождем,- подумав, заметил директор ФБР.- Умение ждать - это больше, чем наука или талант, это - призвание...

- Вы дадите мне санкцию на прослушивание разговоров Гарри Дигона?- Помощник директора ФБР улыбнулся.- Я стану считать этот день первым в новом временном отсчете ФБР...

- Посоветуйтесь с нашими финансистами,- заметил директор, с теми, кто контролирует банки. Может, вам подскажут какую-то любопытную зацепку, связанную с вызовом капитала или что-нибудь в этом духе... Может, у них есть что-то на людей Дигона, тогда мы получим право послушать дедушку...Мне нужен повод, малейший повод, ничего, кроме повода...

Ровно в девять утра Вэли был в своем кабинете.

- Билли, как здоровье вашего сына?- спросил он у секретаря? -Могу устроить консультацию у профессора Рэбина, великолепный педиатр.

- Спасибо. Ему гораздо лучше. Температура упала.

-Отлично, Филипп. Сварите мне кофе.

Вэлш закрыл дверь.

Он снял пиджак, устроился на диване и стал просматривать информацию. Через несколько секунд включил и позвонил по телефону:

- Доброе утро. Да. Отчего нет новой информации по Тарпиесу? Да. Проанализируйте особо тщательно информацию из Ниццы, Берна и Палермо...Да...реакцию на гибель Леонольдо Грацио и подробный отчет о передвижении людей, связанных на окружении кинопродюссера Дона Валоне".

Вэлш положил трубку и позвонил по другому телефону:

- Доброе утро, старина! Хочу пригласить тебя на ленч. Да. И сугубо доверительно: немедленно надо потребовать арреста активов Грацио, вполне проверенные источники полагают, что он обанкротился, в этом-то и причина самоубийства...Да.

Вэлш хотел еще куда-то позвонить, но передумал, надел пиджак и вышел из кабинета.

- И все-таки решил попробовать несколько вариантов с Кривасом... Ситуация такова, что мы, не рискуя многим, можем получить все... - сказал Вэлш, усаживаясь в кресло, в кабинете директора.

Он так сформулировал эту фразу, она казалась ему такой литой и неразрывной, что, думал Вэлш, ответ шефа будет однозначным, ему ничего не остается, как сказать "да".

Однако же, директор ответил не сразу, спросил отчего-то:

Не болят ли у вас виски? Синоптики грозят резким падением барометра, рекомендую постоянно пить сок тутовника, а еще лучше съедить два стакана этого фрукта: разжижает кровь,- и лишь после этого лениво и без всякого интереса ответил,- а что касается "вариантов", то - думайте...Составьте записку на мое имя, пусть будет под рукою, я при случае прогляжу...

- Упустим время... Без вашей санкции все будут оглядываться, ждать вашего слова...

- Так-то уж вы все и ждете моего слова,- рассмеялся директор,- так уж я вам и поверил...

На этом разговор кончился, и тон его показался Волшу странным.

Инспектор Шор подвинул фрау Дорн, секретарю покойного Грацио чашку кофе:

- Я заварил вам покрепче...Хотите молока?

- Нет, спасибо, я пью без молока.

- С сахарином?

- Я не боюсь поправиться,- сухо, как-то заученно, ответила женщина.

- Тогда погодите, я поищу где-нибудь сахара...

- Не надо, инспектор, я пью горький кофе.

- Фрау Дорн, я пригласил вас для доверительной беседы... Однако, в том случае, если в ваших ответах появится то, что может помочь расследованию, я буду вынужден записать ваши слова на пленку. Я предупреждаю вас об этом заранее. Вы согласны?

- Да, конечно.

Пожалуйста, постарайтесь подробно воспроизвести ваш последний разговор с Грацио.

Женщина открыла плоскую сумочку крокодиловой кожи("Франков триста, не меньше,- отметил Шор,- а то и четыреста"), достала сигареты, закурила, тонкие, холеные пальцы ее чуть подрагивали.

- Он позвонил мне что-то около одиннадцати вечера и попросил срочно, первым же рейсом вылететь в Цюрих,"там вас встретят, мне нужна ваша помощь, прибывают люди из-за океана, беседа будет крайне важной"... Вот, собственно, и все.

- Какие люди должны прилететь из-за океана?

- Кажется, он упомянул "Юнайтед фрут", но я могу ошибиться...

- Спасибо, дальше, пожалуйста...

- Это все...

" Это не все,- отметил Шор,- разговор-то продолжался более семи минут".

- Как вам показался его голос?

- Обычный голос...Его голос...Только быть может чуть более усталый, чем обычно...Он сильно уставал последние месяцы...

- Жаловался на недомогание?

- Нет...Он был очень скрытен...Как-то раз сказал, что у него участилось сердцебиение накануне резкой перемены погоды...

- Он не жаловался на здоровье,- во время последней встречи?

- Нет.

- Следовательно, он попросил вас прилететь утренним рейсом и на этом ваш разговор закончился?

– Да.

– Вы живете одна?

– С мамой.

– А кто подошел к телефону, когда он позвонил вам?

– Я, конечно. Мама рано ложится спать.

– Фрау Дори, я вынуждена включить диктофон и попросить вас воспроизвести разговор с мистером Грацио еще раз.

– Пожалуйста..."добрый вечер, дорогая"... Нет,нет, мы никогда не были близки,– словно бы угадав возможный вопрос Шора, заметила женщина,– просто господин Грацио был обходителен с теми, кому верил и с кем долго работал..."Не могли бы вы завтра, первым же рейсом, вылететь ко мне, вас встретят в аэропорту. Если вы захотите арендовать в "ависе" машину, счет будет, понятно, оплачен; прилетают люди из-за океана, предстоит сложная работа, пожалуйста, выручите меня"... Вот и все.

– А что вы ему ответили?

– Сказала, что сейчас же забронирую билет и прилечу с первым рейсом; на всякий случай, попросила я, пусть хозяин вышлет машину; как я понимаю, за рулем будет Франц, я помню его "Ягуар"...Вот и все.

– Понятно...Спасибо, фрау Дори, я выключаю запись... Расскажите, пожалуйста, когда вы начали работать с Грацио?

– Давно, инспектор...Лет семь назад.

– Каким образом вы к нему попали?

– Я пришла по объявлению... Выдержала конкурсный экзамен и начала работать в его банковской группе... Я знаю итальянский и английский, изучила французский...Однажды надо было стенографи-

ровать совещание наблюдательного совета, на котором были представители итальянских и американских фирм...Меня пригласили. Господину Грацио понравился мой итальянский, с тех пор я периодически с ним работала...

– Он приглашал вас на наиболее важные совещания?

– Да. Особенно если собирались представители разноязычных стран...

– Господин Грацио приглашал вас когда-нибудь на ужин?

– Только с компанией.

– Вы знали его близких друзей?

– Как вам сказать... По-моему, близких друзей у него не было, инспектор. Сколько я знаю, он успевал отдыхать,– дней на пять, не больше,– на свою яхту, в Лаворно...Там не бывал никто из его служащих...Он был во всем очень добр и ровен... Нет, я не знаю его близких друзей.

–А какими были его отношения с господами Бланко и Уфсом?

– Это его...Как бы сказать...Я не знаю, являлись ли они его компаньонами, но мне кажется, он договорился этим людям и делал с ними серьезный бизнес.

– Какого рода?

– Господин Грацио никогда и никому не рассказывал о своем бизнесе, инспектор, это не принято.

– Вы хорошо знаете этих людей?

– Нет. Поверхностно.

– Вы хорошо относились к покойнику?

– Очень.

– Вы не хотите помочь мне в установлении истины?

Женщина снова закурила; пальцы ее не дрожали более, только лицо было бледным и глаза тревожными.

– Я готова помогать во всем, инспектор.

– Вам интересует любая подробность, любое ваше соображение о случившемся...Может быть, что-то вас тяготит, вы подозреваете кого-либо?

– Нет.

– Вы считаете, что у Грацио были весомые причины уйти из жизни?

– У каждого человека есть своя тайна.

–Вы не замечали каких-либо аномалий в его поведении за последние недели или месяцы?

Женщина покачала головой, ничего не ответила.

– Вчера, по телефону, вы говорили, что все случившееся – ужас, что это невозможно, он так любил жизнь и все такое прочее... Господин Грацио был человеком настроения?

– Нет, он был человеком дела, тем настроение невозможно...

– Почему господин Грацио мог решиться на такой ужасный шаг, фрау Дори?

– Я не знаю...

– Скажите пожалуйста, на последних совещаниях вашего наблюдательного совета не было тревожных сигналов о близящемся банкротстве?

– Если бы эти разговоры и были, я бы не ответила вам, инспектор, потому что я взяла на себя обязательство не распространять секреты концерна – в течение десяти лет после окончания работы...

– Я понимаю,вас, фрау Дорн... Когда вы беседовали с господином Грацио перед его последним телефонным звонком?

– Это было...Мне кажется, дней восемь назад...Он звонил мне из...

– Откуда?

– Из Гаршаса.

– И что же?

– Продиктовал памятку...

– Это – секрет?

– Думаю, нет... О подробностях я вам говорить не стану, но касалась эта памятка – только членов наблюдательного совета энергопроекта для Гаршаса...

– В ней не было ничего тревожного? Простите, но я вынужден поставить вопрос именно в такой плоскости, фрау Дорн.

– Нет,– чуть помедлив, ответила женщина.– Я бы сказала...

– Что?– подался вперед Шор.– Что бы вы хотели сказать?

– Я бы сказала, что тон памятки был вполне... оптимистичным...

– Вы можете предположить, что могло толкнуть господина Грацио на самоубийство?

– Я не сказала, у всякого человека есть своя тайна...

Шор достал из ящика стола записную книжку и стал ее листать.

– Это записная книжка Грацио? Так?

– Точно не могу сказать.

– Но это его почерк? – Шор показал книжку Дорн.

– Да, это написано его рукой.

– Вы можете разобрать, что на последней странице?

Фрау Дори взяла книжку и надела очки.

– Здесь обговорена встреча с журналисткой из Пресс-центра Мари Кревс и ...болгарским журналистом Сто...Стояновым.

–Вы этих людей знаете?

– Нет.

Дор откинулся на спинку кресла, бросил под язык мятную таблетку, потянулся и, нажав на одну из кнопок селектора, спросил:

– Что там с расшифровкой записи беседы? Готова?

– Да, – ответили ему.

– Ага, очень хорошо. Прочитайте мне, пожалуйста...

– Да, но...

– Нет, она не услышит, я переведу разговор на трубку, читайте.

Он не смотрел на женщину, он смотрел в окно, где ее отражение было четким: он сразу же заметил, как она потянулась к сумке и нервно закурила.

Дор сидел, словно каменный, только открывал и закрывал глаза, порою хмыкал, лицо его иногда сводило гримасой...

После нескольких томительных минут, он сказал:

– Благодарю, Папиньон, молодец.

Положив трубку, он повернулся к фрау Дори и усмехнулся, не разжимая рта:

– Вы все поняли?

– Не-ет...

– Фрау Дори, вы – читающий человек, у вас дома прекрасная библиотека и большую ее часть составляет детективная литература.

не надо лгать мне попусту... Поскольку я не очень-то верю в самоубийство вашего босса,- я говорю вам об этом доверительно, вы не вправе передавать мои слова кому бы то ни было,- мне пришлось взять под опеку и контроль всех тех, кто был близок к Грацио...От греха...В ваших же, кстати, интересах... Если Грацио действительно убили, то и вас шлепнут, как муху...Ясно?! О чем вы говорили с тем человеком, который позвонил вам в отель в девять, и пришел в десять вечера? Я хочу, чтобы вы это сказали на диктофон, потому что в противном случае я оберну записанную моими помощниками беседу с этим человеком против вас! Вы утаиваете правду от следствия! Следовательно, вы покрываете тех, кто повинен в гибели Грацио! Ну, давайте!

- Я не знаю этого человека...Я не знаю, я ничего не понимаю,- женщина заплакала.- Если, тем более, вам уже все известно...

- Повторяю, я не хочу вас позорить...Одно дело - вы сами рассказали мне все, а другое - я вызову вас в суд в качестве человека, который скрывает правду! Говорите, фрау Дорн, можете говорить так, как вам удобнее говорить, я вправе дать следствию запись, но могу и не давать, а передать ваши скорректированные показания.

- Я не знаю этого человека,- повторила женщина,- он позвонил и сказал, что ему необходимо увидеть меня срочно, по поручению господина Раффа...

- Кто это?

- Мой бывший шеф.

- Кто он?

– Он – вице-президент филиала "Кэмикл продакшнз" во Франкфурте.

– Дальше...

– Рафф никогда бы не стал тревожить меня без необходимости...Значит, что-то случилось...

– Дальше...

– Этот господин отрекомендовался новым помощником Раффа, он сказал, что его зовут мистер Вакс...Он сказал, что вокруг гибели господина Грацио начинается скандал...Втянуты темные силы...Словом, я не должна давать никаких показаний, чтобы не поставить в опасность жизнь мамы и мою...

– Дальше.

– Это все.

Шор покачал головой:

– Пожалуйста, подробнее, фрау Дорн.

– Но это все!– воскликнула женщина.– Вы же можете сверить с вашей записью!

– Помните телефон Раффа?

– Триста сорок четыре, тринадцать семьдесят.

Шор посмотрел в телефонной книге код Франкфурта на Майне, набрал номер, ответила секретарь, как всегда позже, заученно:

–"Кэмикл продакшнз", добрый день, чем я могу быть вам полезна?

– Тем, что соедините меня с господином Раффом.

– У господина Раффа сейчас переговоры, с кем я говорю?

– Я – инспектор криминальной полиции Шор. Звоню по крайне срочному делу, связанному с гибелью Грацио.

- Не будете ли вы любезны подождать у аппарата?

- Мне ничего не остается делать, как ждать у аппарата,- пробурчал Шор.

В трубке щелкнуло, наступила громкая, слышимая тишина. Прикрыв мембрану тонкой, девичьей ладошкой, Шор спросил:

- Этот самый мистер Вакс передал вам письма от Раффа?

- Визитную карточку.

- Где она?

Женщина открыла сумочку, достала оттуда помаду, два листочка бумаги, плоскую коробочку пудры, визитную карточку, протянула ее Шору.

Тот взял визитку, хмыкнул, показал ее женщине: на глянцевой бумаге не было ни единой буквы:

- Поняли, отчего мы за вами смотрели? Это ж фокусы. Суют визитку, напечатанную таким образом, что шрифт сходит через пять-восемь часов...

Глаза женщины сделались до того испуганными, что Шору стало жаль ее.

"Сколько же вас, с такими вот крокодиловыми сумочками, садилось в мое кресло,- подумал он,- как вы все были поначалу неприступны, как точно вы следовали тому, чему вас научили юристы, любовники, гадалки, сутенеры, мужья, черти, дьяволы, а я знал, что должен вырвать у вас признание, добиться правды, как же мне было жаль вас всех, боже ты мой, кто бы знал, как мне вас жаль..."

В трубке щелкнуло:

- Здесь Рафф, слушаю вас, господин инспектор Шор.

– Я хочу вас предупредить, господин Рафф, что наш разговор записывается на диктофон, так что вы вправе отказаться от беседы со мною.

– Все зависит от ваших вопросов, господин инспектор. В случае, если они не будут меня устраивать, я свяжу вас с моими адвокатами, они станут отвечать за меня.

– У меня пока что единственный вопрос, господин Рафф: вы знаете фрау Дорн?

– Конечно! Она была моим секретарем...Что-нибудь случилось?

– К счастью, нет. Если позволите, второй вопрос, господин Рафф: в связи с чем вы направили мистера Вакса вчера вечером к фрау Дорн?

– Кого?!

– Мистера Вакса. Он позвонил к фрау Дорн от вашего имени...

– Господин инспектор Мор, я не знаю человека с такой фамилией.

– Я благодарю вас за исчерпывающий ответ, господин Рафф, приношу свои извинения, до свиданья...

Мор положил трубку, бросил под язык еще одну мятную конфетку и сказал:

– Вас сопроводит мой человек...– он подал фрау Дорн руку,– расплатитесь в своем отеле и сразу же улетите домой...За вашей квартирой будут смотреть наши коллеги, живите спокойно.–Мор нажал кнопку селектора:– Папиньон, проводите фрау Дорн и зайдите ко мне.

После того, как фрау Дорн увезли, Мор, посмеиваясь, заметил Папиньону:

– Ну, что я тебе говорил? Она обязана была клюнуть на удочку, и она клюнула. Запомни, с умной женщиной можно бороться только одним: жесткой логикой. Из нашего с тобою разговора она поняла, что нам известно о вчерашнем визитере; мы вовремя успели выяснить про ее франкфуртские связи, про маму и библиотеку детективов. Эрго: она, как и все, читающие Флеминга, считает, что в полиции денег куры не клюют, и мы записываем все беседы в отелях, бардаках и даже в телефонных будках. Остальное – дело техники; ненавистные мятные конфетки, гримаса гнева и чуть повышенный голос...Но кто-то крепко вертит все это дело, Папиньон... Такого рода визитки,– он кивнул на глянцевый листок бумаги,– мелкие шулера не делают, этим занимаются, мой милый, тайные типографии могучих разведывательных институций...Возьми на анализ и запроси "Интерпол",.не было ли зафиксировано такого рода фокусов у мафиози... Значит, болгарскому журналисту Стоянову проломили голову в тот же вечер, когда был убит Грацио?! Так! Фамилия Стоянов здесь, в записной книжке...На следующей день была назначена у них встреча...Вот теперь, Папиньон, есть над чем и подумать...

В первую очередь пригласи на допрос эту самую Мари Кровс... Она тоже в этой книжке... она должна знать... К вечеру выясни подробности об этом Стоянове.

Изображение:

Папиньон шел по дорожке парка. Он обогнул пруд и присел на скамейку рядом с молодым человеком. Через минуту он встал и оставил на скамейке газету.

Молодой человек с газетой садится в машину. Внутри газеты листки с текстом. Он передает их водителю. Текст в руках Хофа.

Текст:

В два часа дня Папиньон передал копию записи допроса фрау Дорн быстрому, холодноглазому Паулю Заборски, наиболее доверенному контакту резидентуры ЦРУ в Берне.

В три часа Джон Хоф отправил шифротелеграмму Майклу Вэлшу.

Ответ пришел незамедлительно:

"Предпримите все меры, чтобы Шор был отстранен от расследования - хотя бы на ближайшие пять дней. Поручите Папиньону производство обыска на квартире Стоянова,- неожиданно для Шора,- в тот момент, когда получите наше на то указание. Майкл Вэлш".

Хоф прочитал шифрограмму и поднял глаза.

Маленький аэропорт в Женеф. Корреспондент провинциальной "Стар" Фрэнк Но спустился по трапу самолета, прошел к стоянке такси и сказал шоферу:

- В Европейский Пресс-центр.

Он вошел в бар, надеясь отыскать кого-либо из знакомых.

В баре Пресс-центра шумели, пили, спорили, рассказывали анекдоты; сидели в основном европейцы; один лишь американец,- Фрэнк определил его по клетчатому пиджаку, узеньким брюкам и тяжелым черным полуботинкам(никто так не традиционен в фасоне одежды и обуви, как американцы, которым за пятьдесят), - сидел за стойкой и, быстро пролистывая страницы пресс-бюллетеней, пил лимонный сок птичьими, очень маленькими, жадными глотками.

К нему он и подошел:

Американец посмотрел на него и вдруг вслух стал читать:

Из бюллетеня Пресс-центра:

"Как стало известно, группа финансистов Уолл-стрита вошла с интерпеляцией в Верховный Суд с требованием немедленного ареста всех активов покойного Леопольда Грацио, поскольку, предположительно, он покончил с собою в связи с надвигавшимся банкротством.

Поскольку Грацио в последнее время предпринял целый ряд весьма рискованных операций, финансировал гигантские проекты в развивающихся странах, поддерживал прогрессивный режим в Гаривасе, скупал акции на биржах Гонконга, Чикаго и Франкфурта, его положение резко поматнулось; он выбрал для себя самый легкий путь, чтобы уйти от ответственности.

В случае, если решение об аресте активов покойного Леопольдо Грацио войдет в законную силу, предполагается ревизия всех бумаг покойного.

Однако уже сегодня активы Грацио находятся под подозрением и цена на его акции катастрофически падает; если день назад он был тайным банкротом, то сегодня он стал банкротом явным.

Американец кончил читать и гулко высморкался в платок.

- Я - Фрэнк Но из "Стар", можно, я сяду рядом?

- Я - "Сэр Все из ниоткуда",- ответил американец.- Здесь не принято спрашивать разрешения, если свободно - садитесь, и все тут...

- А почему вы прочитали мне пресс-бюллетень? Откуда вы знаете, что меня это интересует?

- Это я прочитал не вам, а просто вслух. Меня пригнали сюда, потому что коллега из Гамбурга, кажется, Мари Кровс, имеет

какую-то информацию по делу слепнувшегося миллионера из Палермо. Вы ее не видели?

- Видел. Она скоро вернется, куда-то уехала...Она мечется все время, пытаясь опубликовать свои разоблачения, носится с идеей добра, изоляции наших финансовых китов и спасения красивого полковника Санчеса, последнего идеалиста испано-говорящей Америки...воюет против нашего агрессивного империализма, а беднягу никто не печатает... Как это все смешно,- вздохнул "сэр Все",- суета сует и всяческая суета...Вот, глядите,- он подвинул Фрэнку несколько страниц,- я передал в бюллетень Пресс-центра свою подборку самой важной информации о том, что сотрясает сегодня мир. Однако, и у нас здесь - как везде во всем и всюду,- сплошная тенденция... Вот, читайте мое сообщение о том, что у нас изобретен препарат тимолол, который уменьшает рабочую нагрузку на сердце и снижает смертность на сорок процентов. А ведь подсчитано, что в этом году от инфаркта у нас с вами на родине умрет миллион человек. Миллион, понимаете? Не умерло, а у м р е т...Спокойно пишут, отстраненно...Так вот, про тимолол печатать не стали, "еще не проверено до конца"...Ладно...Дал другое: Я просил, чтобы напечатали сообщение о работе голландцев, которые доказали, что мы стоим перед катастрофой: удобрения убивают в почве червей, а это означает умерщвление структуры пахотной и луговой земли. Мне ответили, что эта информация носит дурно пахнущий, не эстетический оттенок. Тогда я принес сообщение из Манилы о том, что филиппинская армия делает взрывчатку для бомб из кокосовых орехов. Надо мной посмеялись, " не может быть". Ладно, нас, яики, просто так не сокрушить. Я им сунул информацию про то, что акулы не болеют раком, да и другим серьезным инфекционным заболеваниям не

подвержены, и ученые сейчас бьются над тем, как обнаружить вещества, которые стимулируют их иммунную систему, а еще лучше выделить, чтобы спасти род людской от рака. Мне ответили, что акула - сука, и нечего прославлять ее в прессе...

- Простите, а как вас все-таки зовут?- поинтересовался Фрэнк.

- Меня зовут "сэр Все", я же вам представился,- раздраженно ответил американец.- Или у вас дырявая память, как у всех молодых людей? Когда я поверю вам, тогда расскажу, отчего у меня такое странное имя...У меня нет оснований вам верить, потому что я трезв, а пить начну через неделю, когда кончу работу, запланированную на этот месяц.

...Мари пришла в бар около одиннадцати; бледность лица подчеркивалась ярким румянцем на острых скулах.

- Я Фрэнк По из "Стар", мисс Кровс...Так же, как и вы, я ненавижу наших старых мумий, я готовлю материал о ситуации в Гаривасе, а в Париже мне сказали,- я там аккредитован, хотя работаю по всей Западной Европе,- что у вас есть какие-то новые данные в связи с интересующей меня проблематикой...

Мари ответила не сразу, а лишь после того, как изучающе обсмотрела По.

- Какая проблематика вас интересует? Я, признаться, прежде не читала ваших корреспонденций.

- Меня интересует то же, что и вас: загадочный клубок "Грацио-Гаривас -Санчес", будущее этой несчастной республики,

тайна в деле с палермским миллионером...

- Можете гарантировать, что информация, которой я располагаю, появится в вашей газете?

- Я не редактор и не владелец контрольного пакета акций, мисс Кровс...Я представляю нашу провинциальную прессу, вы и знаете, сколь консервативны наши люди в глубинке...

Мари усмехнулась:

- Думаю, не более, чем любые...Мне, кстати, очень нравится глубинные американки, в них много от прошлого века.

- Я не чистый американец, мы выходцы из Европы, отец всегда вспоминает настоящую родину, с тоской и нежностью. Увы, я не могу гарантировать опубликование ваших материалов... Я был бы бесчестной свиньей, если бы сказал, что гарантирую...Нет не гарантирую. Но я обещаю молчать,- подскажите только, в каком направлении и у кого искать мне?

- Возьмите подборки ваших газет по Гаривасу, послушайте радио, посмотрите телевидение...Нагнетают психов, это понятно непосвященному, не то, что нам с вами, циникам, которые прекрасно знают, как все это делается...Почему? Все просто: Правительство взяло в свои руки то, что раньше было бесконтрольной монополией Дигона, Рокфеллера, Моргана, особенно - Дигона...Ну, а потом попросите редакцию финансировать ваш полет в Гаривас,- я готова помочь вам, чтобы вы получили интервью у Санчеса.

- Он вам дал интервью, и я восхищаюсь его прямотой, хотя кое-чего вы не договариваете... Вы - красивая, это понятно, отчего он согласился дать вам интервью... Мне он покажет дуло...

Фрэнк сказал это до того жалостливо, что Мари улыбнулась, положив свою мягкую ладонь на его руку:

- Санчес вас примет, я обещаю, но прежде, чем лететь в Гаривас, попробуйте в Париже встретиться с профессором Вернье, он знает этот узел, как никто другой...Только не ссылайтесь на меня...Если вы упомяните мое имя, он вряд ли станет беседовать с вами... А если вы его разговорите, вам будет над чем подумать... Как раз он не станет требовать гарантий, чтобы вы напечатали то, что он скажет...Он человек щедрый, и у него нет,- в данном случае, - такого интереса, какой есть у меня.

Фрэнк Но сдержался, чтобы не спросить про то, каким же является "интерес" мисс Кровс, поднялся, пошел к бару заказывать два кофе.

Мари, словно бы почувствовав это, крикнула:

- не вздумайте меня угощать, я за все плачу сама...

- Господин Хуан Мануэль Мария Хайме Антонио Бланко?- спросил Шор учтиво.

- де Бланко, с вашего позволения,- уточнил высокий, малоподвижный человек,- я - дворянин, инспектор.

- Я пригласил вас в качестве свидетеля по делу гибели Леопольдо Грацио. Мне необходимо задать вам ряд вопросов, господин де Бланко.

- Я к вашим услугам, инспектор.

- Господин инженер,- поправил его Шор,- я тоже люблю точность, хотя фактам своего рождения не могу быть дворянином.

Бланко презрительно улыбнулся:

- А Ротшильд? Ведь он барон.

- Он финансист, господин де Бланко,- ответил Шор дружелюбно,-

следовательно он вне национален.

- Хочу предупредить, что наше собеседование будет записано на пленку. В случае, если вы намерены пригласить адвоката, я готов назначить вам другое время, но не позже четырнадцати часов завтрашнего дня.

- Все будет зависеть от ваших вопросов, господин инспектор.

Шор кивнул:

- Мой первый вопрос: когда и на каком бизнесе началось ваше сотрудничество с мистером Грацио?

- А отчего вы называете покойного "мистер"? Он - европеец, точнее говоря, итальянец, следовательно, его должно называть "сеньор".

- Справедливое замечание, господин де Бланко, но его бизнес мало распространялся на Италию, все больше на американский континент...Кстати, вы были первым, кто проводил зондаж среди членов нового кабинета в Гаривасе по поводу энергопроекта?

- На этот вопрос вам даст ответ юрист нашей корпорации, господин инспектор... Что же касается времени, когда началось мое сотрудничество с Грацио, то это,- дай бог памяти,- началось году в семьдесят пятом...Да, именно так...

- То есть, после смерти испанского диктатора?

- Я бы не стал так говорить о генералиссимусе Франсиско Франко. Он не был диктатором, во всяком случае последние годы. Его жене мы отдали акции крупнейших магазинов "Корт инглез" и тем самым ввели его в нашу среду. А диктатура нам не нужна, во всяком случае пока не возникла кризисная ситуация.

- Такого рода точку зрения можно дискутировать, а вы занятой человек, господин де Бланко, я не вправе злоупотреблять вашим

временем. Леопольдо Грацио никто никогда не угрожал? Особенно после того, как он наладил широкий контакт с коммунистическими режимами и развивающимися странами?

- Мне такого рода факты неизвестны, господин инспектор.

- А вам, особенно последнее время, никто не угрожал?

- Даже если бы это было, я бы не стал вам говорить, господин инспектор, это не по правилам.

- Господин де Бланко,- медленно, чеканя слова, произнес Шор,- я тоже поступаю не по правилам, предупреждая вас о том, что ваша жизнь в опасности. Данные прослушивания ваших телефонных разговоров позволили мне сделать вывод: будете вы откровенно разговаривать со мною или не станете этого делать, поделитесь своими соображениями, связанными с убийством Грацио, или будете,- как вас просят,- настаивать на версии его самоубийства, опасность вам грозит постоянно. И это связано, как мне кажется, с судьбою энергопроекта для Гариваса. Это все, господин де Бланко, я более вас не задерживаю.

Лицо Бланко сделалось морщинистым, Шор поразился этой перемене, только что перед ним сидел лощеный моложавый красавец, и вдруг стало видно, сколько усилий тратит этот с т а р и к, чтобы сохранять себя на людях; постоянная схватка с возрастом!

- Я могу это ваше заявление, господин инспектор, повторить представителям прессы?

- Вы не решитесь, господин де Бланко, вы никогда не решитесь на это, ибо отдаете себе отчет, в каком сложном положении находитесь.

- Господин инспектор Шор, вы были весьма любезны, советуя мне избрать верную линию поведения, благодарю вас сердечно. Но

позвольте и мне дать вам совет: знайте, на кого можно замахиваться, а на кого - рискованно. Не думайте, что ваша жизнь будет находиться вне опасности, если вы и дальше станете заниматься правдоискательством.

- Вас уполномочили сказать мне э т о? Или вы сделали такого рода заявление по собственной инициативе, исходя из добрых ко мне чувств, господин де Бланко?

- Мне импонирует ваша манера поведения, господин инспектор. Вы очень смелый человек, но вы еще более беззащитны, чем я.

Де Бланко поднялся, сухо кивнул и пошел из кабинета.

Шор остановил его:

- Господин де Бланко, для вашего сведения, человек, назвавший себя Роберто, да,да, тот самый, который ~~сетовал~~ советовал вам не влезать во все это дело, прилетел сюда из Палермо, он, мне сдается, из семьи Дона Валоне, из их группы в л и я н и я. Вам это известно?

- Нет, мне это не было известно.

- Можете использовать мою информацию в ваших целях, господин де Бланко, фрау Дори великолепно владеет итальянским языком, она поможет вам в доверительной беседе с Доном Валоне, если вы на нее решитесь.

Жюль Вернье оказался маленьким лысым толстяком, страдающим одышкой.

- Месье Вернье,- начал Степанов.- Я достаточно долго, как у нас говорят, вертелся, пока не вышел на вас. Как мне сказали, вы знаете все об экономике и все о финансистах.

Они сидели вдвоем за столиком в кафе у самого окна. Смеркалось. На улице зажгли фонари.

- Месье Степанов, мне объяснили предмет вашего интереса. Вы нащупали одну из самых интересных тем мировой литературы.

Он достал дешевую сигару, откусил кончик, сплюнул, поморщился; Степанов обратил внимание на зубы профессора, они были темно-желтыми, как у старого-престарого коня; отхлебнул минеральной воды, поинтересовался:

- Вы предпочитаете телевизионное шоу "спрашивайте - постараемся ответить?

- В общем - да.

- Вы француз?

- Я немец. Я Пикс. Вернье - мой псевдоним.

- Почему вы живете в Париже?

- Но коммент,- отрезал Вернье,- как говорят американские президенты, этот вопрос я не комментирую,- он засмеялся - Давайте ваши вопросы, отвечу с удовольствием... Между прочим, вы знаете, что вашего Распутина охраняли две службы: тайная полиция, конечно же, но лучше всего - частные детективы банков. Те берегли его, как зеницу ока, он же влиял на политиков...Если бы царские антисемиты не посадили банкира Митьку Рубинштейна, этот самый Распутин был бы жив, там был дворцовый заговор, поверьте мне. Устранили Рубинштейна, который был на связи между двором, крупным капиталом и правительством, а уж потом в дело включили чистую идею - наивных национальных политиков Пуришкевича с Юсуповым...Механика заговора прочитывается абсолютно...

- А биржа может иметь отношение к заговору?

Верньe пожал покатыми, женственными плечами:

- Непосредственное...Только, ясное дело, не так, как пишут коммунистические пропагандисты...

- А как они пишут?- поинтересовался Степанов.- Мне не доводилось читать книги коммунистических пропагандистов о бирже...

- Ах, ну прочитайте...

- Но вы-то читали?

Вернье крякнул:

- Вы из породы бульдогов. Нет, не читал. И не будем ссориться, вы хороший собеседник и мне приятно рассказывать вам...Вы спросили про связь биржи с политикой... Докажу на примерах... Только все же выпьем кофе, а?

- И немного "пастис". Я угощаю.

- Вы мой гость.

- Мы с вами оба гости Парижа.

- Мне говорили, что русские обижаются, когда им предлагают стол по немецкому счету: каждый платит за себя...

- Не то, чтобы обижаются...Просто-напросто не очень это понимают.

- Ну, хорошо, платите, я согласен.

Степанов жестом подозвал официанта и сказал:

- Два "пастис" и кофе.

- Прежде, чем говорить о связи биржи с политикой, я хотел бы уточнить смысл сегодняшней биржи. Ну, прежде всего, это продажа бумаг. Да, бумаг. Запомните, пожалуйста, расхожий термин нынешней биржи "коммодити"...Знаете, что это такое?

- Серия товаров?- спросил Степанов.

Верньe отхлебнул из рюмки, глаза его сделались колючими:

- Мне сказали, что вы - полный профан в биржевых делах... Видимо, что-то вы все-таки знаете, если вам знакомо понятие "коммодити"... Так вот, ныне биржи продают "коммодити", это благословенная биржей спекуляция, это смертельный покер- либо миллион, либо пуля, которую надо пустить себе в лоб, проиграй ставку. В восьмидесятом году нынешнего века реального золота, которое можно было купить и продать, существовало что-то около тысячи шестисот тонн, а на биржах Лондона, Штатов и в Цюрихе "коммодити" на золото было куплено на восемьдесят тысяч тонн, можете себе представить?! Таким образом, биржа ныне стала местом, где проходят купля- и продажа бумаг, то есть, н е с у щ е с т в у ю щ е г о! Ныне между производителем и тем, кто финансирует производство, стоит от двадцати до сорока посредников, то есть, пока товар идет от производителя к потребителю, цена на него возрастает от двадцати до сорока процентов,- по количеству спекулянтов-прилипал, играющих на бирже...Вам это внове?- поинтересовался, оборвав себя,Верньe.- Или слышали уже?

- Кое-что слышал. Спасибо.

- Каждый из сорока посредников,- продолжал Верньe,- имеет связи. Нельзя жить в мире бизнеса вне связей... А связь - это цепь, замыкающаяся на том человеке, который корыстно, или по другим причинам, или исходя из соображений карьерных - может оказывать влияние на политические решения... Итак, я - дилер...- Верньe затянулся сигарой.

- Что такое "дилер"?

– Крупный биржевой воротила с хорошими связями...Допустим, хозяин одной из крупнейших корпораций, который заседает в наблюдательном совете своего концерна вместе с братом вице-президентом или племянником министра или с мужем личной стенографистки премьер-министра, сообщает дилеру, что ему точно известно следующее: через три месяца два дня и восемь часов в какой-то африканской республике, богатой серебром, будет свергнуто правительство и вместо президента"икс" сядет новый президент "игрек", который пообещал, в благодарность за то, что я, президент корпорации, и мои **хххнх** контакты в том или ином правительстве приведем его к власти, продавать мне серебро или олово или бананы, которыми богата его страна, по тем ценам, которые угодны моему концерну. Понимаете?

– Пока – да.

– Отлично. Только внимательно следите за логикой развития моей мысли...Получив гарантии сильных мира сего, что через три месяца два дня и восемь часов к власти придет "игрек", финансист вызывает своего брокера, на каждого из них в картотеке разведок мира и концернов есть подробнейшее досье,– и предлагает ему начать одну из игр: либо "шорт", либо "лонг"...

– Вот теперь я перестал что-либо понимать.

Вернье удовлетворенно кивнул:

– Если бы вы и это поняли, я бы уверился в том, что вас сюда прислало ЦИ...Что такое "шорт"? Это игра на короткое в р е м я и в стремительно-точном времени... Я начинаю игру на понижение...

– Не понял.

Вернье снова кивнул.

- "Игрек" подписал со мною, главой концерна; тайный контракт, по которому он взял на себя обязательство продавать мне серебро или бананы по,- к примеру,- пятьсот долларов вместо двух тысяч за единицу, по которой сейчас идут акции этого товара, принадлежащие какой-то другой корпорации. По моей команде мой дилер начинает продавать акции на серебро или бананы за тысячу девятьсот долларов. Мои люди организовывают прессу,- в газетах появляются статьи о предстоящем крахе тех компаний, которые вложили свои сбережения в акции серебра, бананов или сосисок, какая разница во что!- рассердившись на что-то резко заключил Верньe.- Начинается паника, цены катастрофически падают, все продают "горящие" акции, цена доходит до тысячи долларов...Продают "коммодити", то есть бумаги, заметьте это себе. Я, шеф концерна, который смог купить мистера "игрек", затаившись, жду: мои брокеры - на страже. И как только я получаю шифротелеграмму, о том, что "игрек" победил, мои брокеры на всех биржах мира начинают стремительно скупать "горящие акции" по тысяче долларов. Скупают тотально, делая меня монополистом товара. Повалив поначалу цену с двух тысяч до тысячи, я-то был убежден, что р е а л ь н ы й товар, а не бумаги, я стану получать от "игрека" не за тысячу долларов, а за пятьсот. А дело моих брокеров снова взвинтить цену - теперь уж под царствующего мистера "игрек". Эрго: с каждой единицы т о в а р а я уже получил пятьсот долларов прибыли. А когда я взвинчу цену, моя прибыль составит полторы, две тысячи за единицу товара. Это - сотни миллионов долларов чистого барыша, если не миллиард... При этом, понятно, я заранее, тайно, через третьих лиц скупил весь реальный товар у мистера "игрек" по пятьсот долларов, то есть, я стал реальным

хозяином т о в а р а заранее. Риск? Да, бесспорно. В случае, если "игрек" не придет к власти, я могу оказаться если и не полным банкротом, то позиции свои в мире бизнеса потерю, это точно...

- Действительно, сюжет поразителен.

- Это не сюжет, мистер Степанов, это -жизнь, а она всегда трагедийна. Проследите, как танцевали акции многих компаний накануне переворота в Чили. Или, как ртутно скакали цены на акции Родезии накануне прихода к власти национального правительства, за спиною, если так можно выразиться, этих скачков стояли к л а - и ы, интересы которых тайны, могущественны и неуправляемы никем, кроме двух-трех стариков, страдающих язвенной болезнью или гипертоническими кризами...

- Очень интересно проследить цепь связей между людьми, втянутыми в кровавую игру, я это имел в виду, когда говорил про сюжет...

- Тогда есть сюжет почище...Интересы политиков и банкиров сплетаются еще более явственно, при всей тайности предприятия, когда начинается игра на повышение.- Верньо засмеялся.- Это так: я ставлю на того же мистера "игрек". Как и в случае "икс", я знаю, что он придет к власти двадцать пятого мая в девять утра, именно утром, ибо я должен начать игру на бирже в тот момент, когда "игрек" сядет к микрофону в президентском дворце в кресло, залитое кровью убитого предшественника, и обратится к нации со словами поздравлени я по поводу избавления от тирании коммуниста "икс" или националиста "зета" или правого экстремиста "даблью". Я поставил условием прихода "игрека" к власти то, что в течение ближайших двух лет он не будет продавать свое серебро

или марганец ни одной корпорации, но возьмет в Международном валютном банке кредит под будущий товар из расчета две тысячи пятьсот долларов за единицу товара. Я заранее подписываю договор с "игреком" о том, что он будет продавать лишь м н е товар,- через два года,- за пятьсот долларов. И я начинаю,- через своих дилеров, взвинчивать цены. Начинаю покупать за тысячу долларов, тысячу двести, тысячу четыреста...Начинается бум, все кидаются покупать акции, которые п о ш л и в цене..."Игрек" взял власть. Товар никому не продает, только мне. И через два года я пускаю на биржу акции "игрека" по моей, монопольной цене.

- Мистер Вернье, мне было очень интересно слушать вас, многое прояснилось...Последний вопрос...Один наш с вами коллега, точнее говоря, одна, речь идет о журналистке, выдвигает версию возможной связи концерна Дигона с делом Грацио...Как вы относитесь к такого рода допуску?

- Ту журналистку, которая вам задвинула такого рода версию, зовут Мария Кровс, не так ли?

- Я не открываю имена тех, кто делится со мною своими версиями...

- Дело в том, что эта версия не столько ее, сколько моя, во-первых. Я выдвинул ее месяца четыре назад, когда мы были неразлучны с Мари, во-вторых. И, в третьих- эта версия базируется не на допуске, но на тех фактах, которые я вам открывать не намерен.

- Почему?

- Да потому, что мне жаль вас. Вас уничтожат, если узнают про то, что вы знаете. Меня, впрочем, тоже, поэтому молчу.

Люблю жизнь, месье Степанов, очень люблю жизнь.

Дорога проходила по берегу моря. Черным серпантином она вилась между дюн. Шор сидел у открытого окна такси и жадно вдыхал запах моря.

- Слово "палома" - голубь так же везде в испанских отелях, как в Германии "мове"- чайка в дорожных ресторанчиках,- сказал шофер,- я бывал в западной Германии и Швейцарии, подрабатывал там,- объяснил он,- сплошные "чайки", а моря нет, разве Северное может считаться морем,брррр... сплошные ветры, у меня там насморк не проходил.

- Вот бы отдохнуть здесь,- мечтательно сказал Шор.- Я бы сидел-спал на берегу первые три дня, выкаркал бы табачную гарь и перестал кашлять по утрам.

Машина въехала в Торремолинос. Кафе, рестораны, магазины - все было открытым, нарядным и чистым. Веселые, загорелые люди сидели за столиками, бродили по ярко освещенным улицам.

Шофер остановил такси у отеля "Палома".

Анжелика фон Варецки приняла Шора в холле огромного трехкомнатного аппартамента.

Женщина была красива, хотя ей уже было за сорок.

- Добрый вечер фрау фон Варецки.

- Это я, инспектор Шор.

- Извините, но я не могла вылететь, у меня был гипертони-

ческий криз, это уже не первый раз. Я даже не была на похоронах, я бы не пережила похорон.

В ней не было ничего подчеркнуто траурного: это понравилось Йору, он не любил, когда переживаниям придавали определенный цвет и форму.

- Хотите выпить с дороги?- спросила женщина.

- Нет, благодарю, раскисну.

- Здесь очень хорошее вино, т м и т о, от него не раскиснете.

- Спасибо, я с удовольствием выпью воды. У вас здесь так душно.

- Я скажу, чтоб кондиционер поставили на "холод", но в таком случае бойтесь простуды.

- Нет, нет, я сразу простужусь, я имел в виду духоту на улицах, у нас в Европе идет промозглый дождь, а под утро делается очень холодно в парках...

Женщина усмехнулась:

- Я живу здесь седьмой год, и мне вдруг, после ваших слов, очень захотелось обратно в вашу европейскую промозглость...Это так прекрасно, когда в мокрых парках под утро холод, студеный, предзимний...Здесь же нет зимы...

- Почему вы не живете у себя, фрау фон Варецки?

- Потому что тот дом построил Грацио... Он там постоянно присутствовал...И сейчас присутствует...Мне страшно там, господин...

- Йор.

- Да, простите, у меня отвратительная память на имена, даже

такие простые, как у вас... У вас есть вопросы, господин Шор? Я готова ответить.

- Спасибо...Вы можете не отвечать мне на те вопросы, которые вам покажутся...Ну, не знаю, неправомочными, что ли.

- Господин Шор, я каждый вечер смотрю телевизор...Поэтому законы детективного жанра мне известны...Я готова ответить на все ваши вопросы...

- Тогда я начну с главного. Вы верите в то, что Грацио покончил с собою?

- Нет.

Шор удовлетворенно кивнул, спросив:

- У вас можно курить?

- Разумеется.

- Благодарю...Значит, вы полагаете, что официальная версия, выдвинутая ныне - необъективна?

- Это же ваша версия...

- Лишь в какой-то мере...Но если бы я так думал до конца, я бы не стал к вам прилетать, фрау фон Барецки.

- Я звонила Леопольдо за три дня до...У меня болело за него сердце...он был одержимым человеком, господин Шор, одним из самых прекрасных на этой земле.

"Все-таки баб не поймешь,- подумал Шор, тяжело затягиваясь;- я был убежден, что она начнет нести его по кочкам из-за его любовниц"...

- Куда вы ему звонили и в связи с чем, фрау фон Барецки?

- На яхту. В Сицилию. Я вообще очень испугалась за него

после того, как он провел конференцию с Дигоном, Ролломи Трусеном...

– Почему? Мне кажется, эта встреча продемонстрировала их дружество.

– Вы хитрите со мной, господин Шор...Не надо вовлекать меня в разговор, я к нему и так готова, и я рада, что вы ко мне прилетели.

– В таком случае объясните, что произошло на этой встрече? Что породило в вас страх за Грацио?

– Меня испугала демонстрация дружества, господин Шор, именно то, что вас так умилило...

–"Умиление"– не то слово, которое приложимо к участникам этой встречи,– не удержался Шор.

– Грацио начал с нуля, он сам себя сделал, он никогда не имел отношения к торговле оружием, он занимался энергетикой, химией, ботинками и бумагой.

– Я тоже начал с нуля, большинство начинают с нуля, фрау фон Варецки, но они на нуле и остаются...

– Это их беда. Значит, у них нет таланта Леопольдо...Не было таланта, так теперь следует говорить о нем...

Кендина плеснула себе в высокий, тяжелый стакан виски, положила длинными пальцами с очень красивыми, коротко обстриженными ногтями без маникюра, кусок льда, добавила чуть содовой воды, выпила, в глазах вдруг появились слезы, она по-детски шмыгнула носом:

– Простите... Я его очень любила...И сейчас люблю...Наверное, даже больше, чем раньше...Все прекрасное особенно очевидно на расстоянии, особенно таком, которое не переступить... Он был как

пружина, понимаете? Сгусток энергии, устремленность...Но при этом он был очень добрым человеком...Нежным...И еще он не умел лгать...Да, да, я знаю, что говорю. Как у всякого мужчины, у него были подруги, и он тяготился тем, что эти связи надо было скрывать от меня...Его мать была болезненно ревнива... Видимо, глубокая шизофрения...Отец страдал от этого, умер молодым от разрыва сердца, в Леопольдо поэтому был комплекс - страх перед домашними сценами...Больше он в жизни ничего не боялся...Его независимую позицию в бизнесе поддержал в свое время Энрике Маттеи, которого убили, когда он решил сделать Сицилию цивилизованным государством, частью Италии...Знаете это имя?

- Да. Он был шефом нефтяного концерна, его самолет взорвали...

- Верно. Именно Маттеи нацелил Леопольдо на энергетику... Ведь ничто так не объединяет людей, как свет...Я говорю сумбурно, да... Словом, я не могла быть обузой, и не умела терпеть его увлечения, поэтому я и предложила ему свободу...Мы ведь не разведены с ним...Мы остались друзьями... Я мечтала, что он вернется ко мне...Рано или поздно...Сюда, в мой дом, он привозил Мигеля Санчеса, когда тот еще не был президентом Гариваса, и они два дня говорили о будущем, а потом Санчес вернулся к своей подруге в Бонн, к Мари Кровс, а Леопольдо сказал мне:"Если этот парень победит, тогда мы утрем нос дяде Сэму и докажем третьему миру, что именно с большим бизнесом Европы можно и нужно иметь дело". А я ему возразила...Гаривас - их вотчина... А он ответил, что все это ерунда, что трус не

играет в карты и что хватит жить с оглядкой. Мужчины знают, женщины чувствуют, в этом наша разница...Когда я прочитала в газетах интервью Барри Дигона после их встречи, мне сделалось страшно...

- Я тоже читал эти интервью, фрау фон Варецки, но я не испытал чувства страха.

- Потому что вы не знаете их...Ролл и Дигон суровые люди... Их интересы замкнуты на Латинскую Америку...Труссен с его западно-германскими монополиями всегда стоял в стороне...Он осторожный человек, а Леопольдо с его энергопроектом для Гаривасе замахивался на интересы тех американцев, которые сделали ставку на юг их континента...

- Значит, последний раз вы говорили с Грацио за три дня до его гибели?

- Да.

- Вы его просили о чем-либо?

- Как всегда, об одном лишь - об осторожности.

- Что он ответил?

- Он пообещал мне прилететь сюда на несколько дней после того, как заключит контракт в Гаривасе. Он был так нежен и добр, бедненький, так смешно шутил...

Женщина снова налила себе виски, положила лед, воды наливать не стала; выпив, вздохнула:

- Я, видимо, говорю совсем не то, что вас интересует, господин Шор?

- Вы говорите именно о том, что меня интересует прежде всего...Как вы относитесь к господину де Бланко?

- Он - мышь...Маленькая мышь...Отчего вы спросили о нем?

– Потому что фрау Дори, Бланко и Бенджамин Уфер видели Грацио последними и говорили с ним последними...

– Нет,– женщина покачала головою,– не они...Последними видели те, которые его убили...

– Кто мог его убить?

– Вы знаете, что после гибели Энрике Маттеи он два года жил под постоянной охраной телохранителей?

– Нет, я этого не знал. Почему?

– Потому что Леопольдо финансировал расследование обстоятельств убийства Маттеи. Потому что он не скрывал, что не верит в версию автокатастрофы. Потому что он прямо говорил, что нефтяные концерны Далласа были заинтересованы в Сицилии и работали там вместе с американской мафией, а Маттеи стал им поперек дороги...

– А что изменилось за те два года, что он прожил под охраной телохранителей? Исчезла мафия? Или господин Грацио стал иным?

– Ни то, ни другое...Просто Леопольдо за те два года очень окреп...

– Вы допускаете какой-то договор о перемирии, заключенный им с мафией?

Женщина вздохнула:

– Допускаю.

– С кем конкретно?

– Он никогда не говорил того, что могло угрожать мне или моим близким...Он был очень открытым, но умел молчать про то, что могло принести мне горе...

– А где телохранители Грацио?

– Один, Эрнесто, живет на моей вилле...Второй уехал в Сицилию.

– Я могу поговорить с Эрнесто?

– Бесполезно. Он ничего не скажет.

– Почему?

– Потому что он сицилиец. Потому что сам ничего не знает... Он умеет только охранять, следить за теми, кто идет по улице, стрелять и резать...

– Силач громадного роста?

– Нет, Эрнесто как раз очень маленький. Громадным атлетом был Витторио, который уехал в Сицилию.

– Почему?

– Кончился контракт...Прокурор республики заверил Грацио, что опасность миновала...

– Как фамилия этого Витторио?

– Фабрини.

– У него громадный размер обуви, не правда ли?

– Да.

– Сорок пятый?

– Возможно.

Шор снова закурил.

– Мне бы все-таки очень хотелось поговорить с Эрнесто...

Женщина поднялась с низкого, сафьянового, овального дивана, подошла к перламутровому, старой модели, телефонному аппарату, набрала номер; долго ждала ответа; пояснила:

– Эрнесто рано ложится спать, они такие сони, эти сицилийцы, так любят спать. Алло, Эрнесто, простите, что я потревожила вас

поздно... Здесь у меня...

Шор поднес палец к губам, шепнул:

- Не говорите обо мне! Просто попросите приехать...

Женщина кивнула:

- Вы бы не смогли сейчас приехать сюда? Нет, нет, ничего не случилось...Хорошо, спасибо, я жду.

- Не вздумайте ему сказать, что я из полиции,- попросил Шор,- он тогда не станет со мною ни о чем говорить...Скажите, что я стараюсь понять причину гибели Грацио...

- Дона Грацио,- поправила женщина,- Он не станет говорить с вами, если вы скажете о Леопольдо просто "Грацио"...

- Господин Бланко тоже очень следит за тем, чтобы его фамилия произносилась с обязательным "де".

- Он мышь,- повторила женщина,- он играет в больших, он не в счет.

- А Уфер?

- Он тоже мышь, но - дрессированная; он знает все о бирже, Леопольдо верил ему как себе...Он может догадываться, кто играет против концерна Леопольдо в Гаринасе, он знает пружины... После того, как Леопольдо не стало, дни Санчеса сочтены, и Уфер и Бланко оба знают это...

- Вы согласитесь под присягой повторить то, что говорили мне сейчас?

- Конечно.

- У вас хватит денег, чтобы держать трех телохранителей, фрау фон Варецки?

- Я не люблю, когда считают мои деньги, господин Шор. Вы спросили, я ответила. И - достаточно.

-Прошу простить, но я осмелился спросить о телохранителях оттого, что понимаю всю меру опасности, которуя я, лично я, навлеку на вас после такого рода заявления...Мы не сможем дать вам охрану, а она потребуется, в этом я не сомневаюсь.

- Я сказала то, что сочла нужным сказать. Какие у вас еще вопросы?

- Господин Грацио называл вам тех, кого он подозревал в гибели Энрике Маттеи?

- Его врагами были те, которые крепче всех пожимали на приемах руку и громче других клялись в дружбе.

- Простите, но этот ответ слишком общий.

- Другого не знаю.

- Постарайтесь вспомнить: вам никто не подсказал,- дружески, вскользь,- переехать из вашего дома сюда, в "Палому"?

Женщина нахмурилась, снова потянулась к бутылке, глаза ее сейчас сделались прозрачными, водянистыми, поэтому казалось, что в них постоянно стоят слезы, хотя они сейчас были сухи...

- Мне звонила фрау Дорн...Она пообещала прилететь ко мне... Она спросила, не слишком ли мне тяжко в доме одной...Но она ничего не советовала...

- Когда это было?

- Когда Леопольдо не стало.

- У вас в доме есть сейф?

- Да.

- Ключи от него у вас?

- Да.

- Там хранятся документы господина Грацио?

- Нет, только мои бумаги.

- Когда господин Грацио был у вас последний раз?

- Весною, пятнадцатого апреля...

- Он был один?

- Да.

- Работал?

- Нет. Отдыхал. Конечно, он много звонил по телефону, он умел прекрасно работать по телефону, но он ничего не писал... Хотя нет, конечно, что-то писал, но все это осталось у него на столе, я храню все его бумаги, он не любит...он не любил... Погодите, вы спрашивали о его врагах...Вы слыхали о доне Валоне?

- да.

- Ну, и что вы о нем слыхали?

- Я слыхал о нем то, что он - крупный мафиози, занят в кинобизнесе...

- Леопольдо как-то сказал, что это "самый страшный человек", которого он когда-либо встречал в жизни...Дом Леопольдо стоит рядом с домом дона Валоне...В Палермо...Внешне они были очень дружны, но я никогда не забуду, как мне сказал о нем Леопольдо... Он сказал шепотом, а ведь он не знал, что такое страх...
А вот и Эрнесто,- сказала хозяйка.

Шор резко повернул голову, он даже не слышал, как тихо Эрнесто вошел в холл.

Эрнесто, хотите виски?- спросила фон Варецки.

- Нет, баагодарю.

-Эрнесто, этот господин намерен разобраться в обстоятельствах гибели дона Грацио.

Эрнесто аккуратно присел на краешек стула, сжал в кулаки толстые маленькие пальцы и сказал:

- Я готов помочь господину в его деле, как же иначе-то?

- Где Витторио?- спросил Шор.- Хорошо бы нам поговорить вчетвером.

- Вы служите в полиции?- утверждающе уточнил Эрнесто.

- Я - частный детектив.

- Но ваша фамилия,случаем, не Шор?

- Ну, а если моя фамилия действительно Шор? Что тогда?

- Тогда я погожу говорить с вами, покуда вы не изложите всю правду о деле дона Грацио...

- К вам звонил кто-нибудь по поводу этого дела? давал советы?

- Господин Шор, я же сказал, что пообожду с вами говорить, мы люди неторопливые, умеем ждать своего часа... - Он обернулся к фон Варецки.- Я, пожалуй, поеду, а то псы воют, покормлю...

Около двадцати журналистов с блокнотами теле и фотокамерами стояли и сидели в небольшой комнате. Дым от сигарет висел в воздухе.

- Я попросил итальянских коллег,- говорил Шор,- задержать для допроса в качестве свидетеля жителя Палермо синьора Витторио Фабрини, который в течение двух лет был телохранителем Леопольдо Грацио. Но, господа, при этом он был связан с Доном Валлоне, подозреваемым к принадлежности к мафии.

В дверях появился Матон и стал делать Шору знаки: "закругляйся". Шор кивнул и встал из-за стола.

Журналист: - Как ответили в Риме на Ваши запросы?

Шор:Отвечали в высшей мере корректно. Вот, кстати, ответ могу зачитать:

- Мы предложили сеньору Витторио Фабрини, местонахождение которого неизвестно, добровольно отдаться в руки властей; мы гарантируем ему честь и достоинство; у нас пока что нет достаточных оснований подозревать в чем-либо этого человека, однако, то глубокое уважение, которое мы испытываем к сеньору Шору, обязывает нам помочь ему.-Шор улыбнулся.

Комиссар Матэн так быстро шел по коридору, что Шор еле успевал за ним.

- Соломон, я закручен, заместитель министра требует доклад по делу Грацио, пожалуйста, сформулируй сжато все то, что ты обещал доложить, вооружи меня, иначе эти дилетанты не слезут, ты ж знаешь их интерес к сенсации, никакого профессионализма...

- Надо писать?

- Нет. Ты рассказываешь лучше, чем пишешь. Давай зайдем ко мне.-Матэн открыл дверь кабинета.

Шор налил себе стакан воды, выпил залпом и сказал:

- Ты в курсе, что на пистолете нет отпечатков пальцев, я уже докладывал...Я кое с кем побеседовал и это понудило меня побродить по чердаку отеля...Я нашел там один палец...На окне, которое выходит как раз на ту сторону, где расположен апартамент покойника...

- Этот палец есть в нашей картотеке?

- Нет.

– Слава богу.

– Я запросил "Интерпол".

– Прекрасно...Пусть ищут...Дальше?

– Я нашел там же один след, ботинок сорок пятого размера.. Отправил химикам...Они полагают, что обувь итальянская...Ответят определенно завтра поутру...

– Дальше?

– Ну, а что дальше? Дальше кто-то спустился по веревке – это научились хорошо делать после просмотров итальянских фильмов о мафии...Форточка-то в номере Грацио была открыта... Махнули бедолагу, свертели бесплатную насадку и бросили револьверчик поближе к койке...

– Дальше.

– Дальше химики ищут след от веревки с чердака. Что-то нашли, исследуют.

– А что тебе может дать исследование веревки?

– Многое. Профессионалы возят свои, отечественные. Выйдем на страну, уже зацепка.

– А – что? Вполне. Опросил всех в отеле?

– Конечно. Папиньон передал мне допросы семнадцати служащих...Никто никого не видел...Я затребовал карточки всех, проживших и проживающих в отеле поныне...Изучаем...

– Когда получишь информацию?

– Ее уже обрабатывают,шеф. Думаю, завтра к вечеру я получу исчерпывающие данные.

– Считаешь, что в нашем деле можно получить исчерпывающие данные? Завидный оптимизм. Дальше?

– Дальше – хуже. Допустим, пальчик, ткань веревки, следы

от ботинок и все такое прочее приводят нас в никуда. Как же нам, в таком случае, выяснить личность человека, посетившего Грацио, вполне легально, через дверь?

- Не знаю.

- Я знаю, что войти мог только хорошо знакомый Грацио человек.Логично?

- Вполне.

- Таких здесь трое.

- Кто они?

- Сюда накануне прилета Грацио приехал Бланко, из Амстердама прискакал Уфер и, наконец, мне только что стало известно, что здесь появился сосед Грацио по замку в Палермо, брат дона Валоне, сеньор Аурелио, вполне серьезный старичок из высшего круга мафиози.

- Ну и?..

- С Бланко я говорил,но на него мут. Уфера и Аурелио пасу.

- Итак, если ты позволишь, я подытожу, Соломон...В номере "Континенталя" погиб Леопольдо Грацио...Никаких следов насилия, тело найдено в кровати, на ковре валяется пистолет, никто не слыхал выстрела, никто не видел человека, который бы направлялся в аппартамент покойника...Вопрос был бы решенным, если бы на рукояти пистолета были обнаружены пальцы нашего бедолаги. Когда ты пришел в номер, там до тебя уже находился директор, шеф охраны, портье, метрдотель, привезший каталку с завтраком, горничная и полицейский, что дежурит возле отеля. И задай себе вопрос: а если один из этих людей схватил,- в ужасе, без злого умысла, пистолет, потом испугался, что там обнаружат

его пальцы, вытер рукоять полотенцем и положил на место? Такое допустимо?

Хор прищурился, рассеянно глянул на Матэна, полез за сигаретами, достал мятый "галуаз", закурил и, стремительно посмотрев на комиссара еще раз, ответил:

- Вообще-то, если...

- Что -"если"?

- Если очень хочется считать это дело самоубийством, то...

- Ты полагаешь, что я подталкиваю тебя именно к такой точке зрения? Соломон, что с тобой? Ты выдвигаешь свою версию, но и я имею право на свою.

- Но пресса берет в оборот не тебя, а меня, Луи.

- Так было всегда, так будет и впредь, пока ты не сменишь меня в этом кресле, а на твое место сядет Папиньон...Но я отнюдь не отвергаю твою версию. Имей в виду: я на твоей стороне, куда бы ты не повернул дело...Как всегда, я стану прикрывать твою спину. Копай, Соломон.

Джон Хоф высадил из машины комиссара Матэна и резко рванул автомобиль.

В своем кабинете Хор диктовал шифротелеграмму:

-Майклу Вэлшу. Докладывать лично. Совершенно секретно. Прошу отправить указание римской резедентуре предпринять срочные шаги и добиться отправки телеграммы в Берн с официальным запросом обстоятельств гибели итальянского гражданина Леопольдо Грацио; поскольку письмо должно исходить от секретной службы, то, естественно на запрос должна ответить секретная служба Швейцарии. А отвечать

на запрос, не затребовав в криминальной полиции все документы, допросы, заключения экспертов,- невозможно. Подпись. Хоф.

Он пробежал глазами текст и сел за стол:

- Правдолюбцы - это хорошо, но Шор решил поиграть в это дело слишком серьезно. Не время.

В открытые ворота виллы "Каса Нуэва" одна за другой въезжали машины, бежали санитары с носилками. Яростно лаяли собаки.

Полицейский отдернул на стене штору. На широкой кровати рядом лежали Анжелика фон Барецки и смотритель дома Эрнесто Суретти. Они были мертвы.

Поздним вечером на квартире Шора раздался телефонный звонок. Шор снял трубку:

- Шор у телефона!

Он молча выслушал сообщение, положил трубку и закурил, потом позвонил в полицию Малаги и сказал, глухо покашливая:

- Пожалуйста, пришлите мне подробный отчет о вскрытии, их же отравили, и пусть тщательно исследуют отпечатки пальцев, хотя, я, увы, убежден, что их притащили в кровать, надев предварительно резиновые перчатки.

Он выслушал учтивый ответ испанского комиссара, и, по-прежнему скрипуче, закончил:

- Я дам свидетельское показание о том, что их убили, поскольку был последним, кто говорил с фрау фон Барецки, у меня есть данные, чтобы утверждать это, коллега...

- В таком случае, вы подробно расскажете нам, о чем шла беседа с сеньорой фон Варецки-Грацио, не так ли, господин Шор?

- Нет, не так. Я не стану давать вам никаких показаний до той поры, пока не закрою дело, которое веду, а вы прекрасно знаете, какое я веду дело.

Конец второй серии.

Не говори: "последний раз" II
Я прокачусь сейчас по СКЛОНУ"
Не повторяй: "в ~~последний~~ рассветный час
Звезда ~~прилечу~~ бесстыдна в небосклоне",

Не повторяй ~~пустых~~ глухих угроз,
~~Пустых~~ глухих словес и пререканий
Весна — пора лесных загроз
И обреченных расставаний.

Старайся приучить себя
Доверься судьбе, но не злословью,
Все грешные ~~сны~~ тени-бури,
Что ты и любишь не любя

Люби любя! Не бойся зла,
Не верь низким лихим словам
Запомни: чувство горделиво
~~(Его не держат канаты)~~
И ~~ниже~~ как ярким каналам [illegible]
Не нужно измерять радость,
Не нужно объяснять смерть,
Ты вправе быть, и вправе падать
В неизвестность круговерть.
Упал — восстань! Обопрись о лыжу,
Взгляни на ~~от~~ склона кручизну,
Я весел, вовсе не обижен
И в черном вижу белизну

~~Но только я тебе прощу, слову этого и~~
~~наставлю~~
~~твою ошибку исправляю~~
~~Твою удачу благословляя~~ присутствовали к ... зову
~~Присутствовали к чужим словам~~
~~когда волной ведут на нас~~

21.02.86

Я защищен от всех невзгод
~~Господь~~ друг благодарю
~~Куда берёт свое перо~~

в окружении моего работы, — Словес, шарящих

словес шарящий
Он ~~древнейший~~ безмолвный маркер
Мое броня
Защита и

Господь охранил меня
Как мышонка надежный "маркер"

Рождение ~~мох~~ миров ~~отменно~~ счастливо
Любуюсь их гордецово
Как из-за непрозрачной стены

Привычно мной пребывания

Безмолвный маркер, символ силы
Мой бог и раб, мой нежный друг
Взамен волнений — досуг
Как бы одела меня ~~полог~~

Тобою я вооружен, бодрствую очень и спокоен
Тобой одним я нежно болен
~~Тобой одним я успокоен~~
~~Взамен всех ненужных, мелких, шей~~
Все остальное — вздор и сон
Приходит в пробуждение
В этого ~~полдневных~~ утренних тенов
Тени лишь мне шедевр
Маркеро-маркер-избавление!